

Екатерина Кариди
Трофей Степного Хана

«Литнет»

Кариди Е. Р.

Трофей Степного Хана / Е. Р. Кариди — «Литнет»,

Аля никогда не думала, чем может обернуться поход в тату-салон. Ей просто накололи необычную татуировку - и вот она уже Алия, невольница в шатре какого-то степняка. Попаданка! Ее выставляют на кон, будет бой, она трофей, достанется победителю. А победитель опасный одиночка, нелюдимый чужак, которому она нужна лишь для того, чтобы сильнее раздражить врага. Но что, если все не так? И совсем другое сулит ей судьба...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
глава 2	10
глава 3	15
глава 4	20
глава 5	25
глава 6	31
глава 7	36
глава 8	40
глава 9	46
глава 10	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Трофей Степного Хана

Автор: Екатерина Кариди

Часть первая

Глава 1

В тату-салоне царил интимный полумрак.

Своеобразная атмосфера, фотографии на стенах. Рисунки, негромкая музыка. Аля сама не знала, почему зашла именно сюда.

Просто шла по улице, а тут была необычная вывеска. Решение пришло спонтанно. Хотя раньше у нее не возникало желания набить себе что-то там. Казалось, пройдет мода, разонравится рисунок, потолстеешь, и что тогда?

До последнего времени она вообще ничего не собиралась в своей жизни менять. У нее все было стабильно и хорошо и обещало стать еще лучше. Учеба, парень, в будущем – работа, семья и дети. Оказалось, достаточно нескольких минут, чтобы вся эта продуманная на годы вперед жизнь рухнула, как детский песочный замок.

Так глупо и до смешного банально. Случай.

Не было пар, зашла в кафе и столкнулась со своим парнем. А он сидел там в обнимку с другой, целовал ее в губы, приспустив маску. Аля увидела их издали и замерла столбом, смотрела, шевельнуться не могла. Не сразу, но он тоже ее заметил и только слегка изменился в лице. Потом и вовсе позвал:

– А, это ты. Иди к нам.

Такой идиоткой она себя еще не чувствовала. Развернулась и пошла оттуда куда глаза глядят с твердой уверенностью, что в жизни надо что-то менять.

И этот тату-салон, кстати, тоже попался ей случайно.

Однако Аля уже добрых полминуты как вошла, а в салоне никого, пусто. Она решила подождать. Присела пока на черный диван у стены и стала рассматривать фотографии на стенах. А напротив висело зеркало. В нем отражалась она вся, с ее глупостью, наивным кукольным лицом и длинными распущенными волосами. Мелькнула мысль постричься налысо, но она сразу отмела ее. Волосы отрастут, а ей нужно было что-то такое, что останется с ней навсегда. Прививка от наивности, напоминалка.

Она уже хотела отвернуться, но тут обратила внимание на большой горизонтальный постер за спиной. Там была такая динамичная композиция. Пыльная степь и летящий по ней табун диких лошадей. Хищные птицы в желтоватом небе, на переднем плане пучками сухая трава...

Из внутреннего помещения вышел парень в узкой черной маске и перчатках, поздоровался:

– Здравствуйте.

Аля сразу очнулась, ответила на приветствие.

– Уже выбрали что-нибудь?

Да, рисунков на стенах было предостаточно. Но все не то. Эти тату какие-то огромные и сумбурные, а ей хотелось какой-нибудь маленький знак.

– Вы знаете, нет, – проговорила она.

– Ну тогда вот вам альбом, – парень взял со стойки толстый альбом с образцами рисунков и фотографиями и принес ей.

Вроде бы ничего необычного, а все почему-то ощущалось так, словно она выбирала не татуировку, а судьбу. Глупость конечно же.

– Спасибо.

Аля повела плечом, отбрасывая назад русую прядь, и уже хотела открыть альбом. Но в тот момент из внутреннего помещения вышел еще один человек. Темноволосый мужчина лет сорока, высокий и крепкий, но поджарый. Как будто высушенный солнцем. Она еще подумала – наверное, азиат. У него были ярко выраженные скулы и раскосые глаза, борода, усы. Но главное – взгляд. Непроницаемый и спокойный.

Стоило ему появиться, парень тут же поклонился.

– Мастер.

Тот кивнул ему и отпустил жестом:

– Иди, я сам.

У него и голос оказался под стать внешности, спокойный и властный.

Аля невольно смешалась, этот человек казался значительным и смотрел слишком пронизательно. И еще – он был без маски и перчаток. Она сжала альбом, лежавший на коленях, как бы отгораживаясь им, и уставилась исподлобья на мужчину. А мастер уселся на пуф, скрестил руки на груди и спросил:

– Для чего вам тату?

Он смотрел на нее, склонив голову набок, словно принимал экзамен. Стало не по себе, да еще ей приходилось задирать голову, чтобы смотреть на него. Аля затеребила углы альбома. Хотела сказать что-то другое, но неожиданно для себя сказала правду:

– Я хочу изменить свою жизнь. Начать сначала.

В узких восточных глазах на миг мелькнуло что-то странное.

– Где хотите сделать тату? – спросил он.

Где? Она еще об этом не задумывалась. Наверное, так, чтобы видеть часто.

– Вот здесь, – она показала на левую руку чуть выше запястья.

Мужчина кивнул ей на большое черное кресло-трансформер:

– Садитесь.

А сам отошел к стойке. Ей особо не было видно, что он там делал, но музыка сменилась. Теперь это было что-то ритмичное, этническое, диковатое. Поплыл легкий дымок ароматических курений. Она еще подумала – хорошо, что у нее нет аллергии.

Но вот он вернулся. На этот раз мастер был в маске и перчатках. Подкатил столик с инструментами и уселся в рабочее кресло рядом с ней.

Але и так было не совсем комфортно, а он еще велел ей положить руку на подлокотник, вообще стало тревожно. Наверное, потому, как только он к ней прикоснулся, она нервно дернулась. Мужчина взглянул на нее и произнес:

– Боишься – не делай, делаешь – не бойся, а сделал – не сожалей**.

Мороз по коже.

Она так и замерла под его взглядом.

Потом вдруг стало стыдно собственного страха. В конце концов, она сама хотела, и это всего лишь татуировка. Несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула и заставила себя успокоиться. А этот странный мужчина начал работать.

Было немного больно, скорее даже неприятно. А в какой момент, может быть, это из-за музыки или того резковатого пряного дымка, но боль вообще перестала ощущаться. И она отрешилась от происходящего.

Но вот он закончил. Теперь на левой руке у Али чуть выше запястья красовалась небольшая аккуратная татуировка. Голова дракона. Неожиданно. Она думала, будет что-то другое.

– Спасибо, – пробормотала, разглядывая стилизованный рисунок.

Хотела встать, но мастер остановил ее.

– Не спеши. Надо обработать.

Принес небольшую резную коробочку, зачерпнул оттуда остро пахнущую зеленоватую мазь и тонким слоем смазал татуировку. Потом прикрыл ее руку стерильной салфеткой, сказал:

– Отдыхай, Алия.

И отошел.

Она еще заметила, что этот человек произнес ее имя как-то по-восточному, но в тот момент не придавала значения. На смену напряжению пришла приятная расслабленность. В салоне плавал ароматический дымок, тихо звучала ритмичная музыка. Аля откинулась на спинку кресла, плавно скользя взглядом по композиции на стене. Там были лошади, степь...

Но вот реальность перед глазами качнулась, а потом незаметно перетекла в сон, больше похожий на забытие.

Пробуждение было тяжелым, как будто она выныривала из омута. Сердце громко стучало, а ни пошевелиться, ни глаза открыть не получалось. Похоже на сонный паралич, Аля слышала о таком, но никогда не думала, что это может быть так мучительно. Состояние полной беспомощности, когда понимаешь: если не заставить себя проснуться – все.

Она силилась повернуть голову, шевельнуть хотя бы пальцем, вздохнуть. Никак. Потом ценой титанических усилий смогла наконец рывком вдохнуть. Задышала глубоко и жадно. Сонное забытие стало понемногу отпускать ее из своих цепких когтей, но пока еще не получалось открыть глаза. Веки тяжелые, словно пудовые, а в голове туман.

Что ж там за ароматические палочки жег этот мастер? Вспомнился их пряный резкий запах, музыка эта этническая. Сейчас было тихо, только шорохи странные, похожие на свист ветра. Аля еще подумала – наверное, новые композиции для релакса.

Однако она отдохнула, пора и честь знать. Надо вставать, освободить кресло. И вообще, ехать домой.

– Агххх... – Аля хрипловато выдохнула и потянулась провести рукой по лицу.

И не смогла.

Руку держало что-то. И вторую тоже. Из глубины души рванулся страх, она дернулась и наконец открыла глаза.

Какой тату-салон? Ничего даже отдаленно напоминающего тот интерьер здесь не было. А было...

Аля озиралась вокруг, нервно сглатывая и пытаясь принять устойчивое положение. А осознание медленно приходило, наполняя ее смятением. Потому что она сидела прямо на земле, на каком-то половике, привязанная к столбу. Ногами еще можно было двигать, но руки затекли, стоило шевельнуться – ломило плечи.

И самое страшное – это был шатер! Шатер какой-то! Ей с ее места видно было каркас решетки и войлочные полотнища, которым были затянуты стены. В прореху виднелся кусочек неба.

Не может быть. Она еще просто не проснулась. Надо сделать усилие над собой.

Но тут снаружи послышался лай собак и отдаленные голоса. Какие-то приглушенные металлические звуки, гортанная речь... Смех.

А в воздухе потянуло костром. И запахом жира.

До нее стало доходить, что это *не сон*. А что же тогда? Пока она спала, ее похитили? Но сколько же она провела без сознания, если ее успели куда-то вывезти?

Нет! Надо добраться до сумки, у нее там телефон. Надо что-то делать!

Аля снова завозилась, задергалась еще сильнее, пытаясь подняться, насколько позволят веревки. И тут послышались шаги.

Тяжелые, медленные шаги приближались. Потом полог, закрывавший вход в шатер, откинули в сторону, и на пороге возник мужчина. Аля застыла, в шоке уставившись на него. Он был в островерхой шапке, отороченной мехом, и в халате, из-под которого выглядывали ноги в сапогах с загнутыми носами. Широкое скуластое лицо, дубленное солнцем, раскосые глаза, длинные усы и борода.

В руке нагайка.

Мужчина хлопнул нагайкой по голенищу сапога и вошел внутрь.

Аля невольно подалась назад и вжалась в пол в надежде, что, может быть, он ее не заметит. Но где там, этот незнакомец в одежде средневекового степного воина направлялся прямо к ней. И чем ближе подходил, тем страшнее ей становилось.

А он подошел, жестокая усмешка обозначилась на губах, длинный ус дернулся. Аля тут же опустила глаза и отвернула вбок голову, понимая, что если этот тип в засаленном, пахнущем овечьим жиром халате до нее дотронется, она просто умрет.

Дотронулся.

Концом нагайки, повернул ей голову и приподнял за подбородок так, чтобы она смотрела на него. И, склонившись вперед, произнес:

– Боол* (рабыня).

Аля невольно сглотнула, мечась взглядом по его лицу и понимая, что не понимает его речь. Что ему от нее нужно? Выкуп?

– Я заплачу, – смогла выдавить.

Мужчина усмехнулся снова, верхняя губа оттопырилась, он повторил:

– Сайхан боол. Цом* (Красивая рабыня. Трофей)!

Потом повернулся в сторону и выкрикнул:

– Түүнийг хувцасла* (оденьте ее)!

На его окрик в шатер вошли две женщины в национальной одежде. Такие же узкоглазые и раскосые, с ничего не выражающими лицами. Поклонились. Мужчина встал, сказал им еще что-то, из чего она разобрала только «улаан». И вышел, бросив напоследок:

– Хурдан* (быстро)!

Теперь Аля осталась с этими женщинами. И, наверное, это было еще страшнее, потому что они вот так же, с полным равнодушием повернулись и пошли к ней.

– Помогите мне, прошу, – пробормотала она. – Я заплачу.

Что угодно, лишь бы разжалобить, они ведь тоже женщины!

Но те словно не слышали, подошли ближе, стали молча ощупывать ее плечи. И тут Аля взбрыкнула, норовя зацепить их ногами. Ноль эмоций. Кончилось это тем, что те позвали еще двоих. И вчетвером отвязали ее и стали одевать.

Она еще пыталась вырваться, но в какой-то момент вдруг поняла, что это бессмысленно, силой не возьмешь. И враз успокоилась. Застыла, глядя на них исподлобья. Старшая из женщин пристально посмотрела на татуировку на ее левой руке, а потом спросила, ткнув в нее щепотью:

– Нэр* (имя)?

И Аля неожиданно для себя поняла. Имя. Проще всего сквозь зубы:

– Аля.

– Алия? – кивнула та и жестом велела ей садиться на некое подобие складного табурета.

И в этот момент откинули полог, закрывавший вход в шатер. Сначала свет резанул по глазам, а потом Аля увидела две большие бледные луны по обе стороны от солнечного диска. Осознание накрыло шоком.

Эта татуировка, дракон на ее запястье, она ведь что-то значила...

«Отдыхай, Алия», – рефреном в сознании.

Вокруг был другой мир! Просто другой. И она в нем попаданка. Так очевидно, умопомрачительно и глупо. Аля никогда представить себе не могла, что с ней случится что-то подобное. С кем угодно, только не с ней, она даже фэнтези не любила читать, считала фантазии пустой тратой времени. А теперь – вот. Хотела изменить свою жизнь, начать сначала? Воистину, бойтесь своих желаний!

«Боишься – не делай, делаешь – не бойся, а сделал – не сожалей».

Она уже сделала, нет смысла сожалеть. Оставалось только гадать, что принесет новая жизнь.

Ее причесали, длинные русые волосы оставили распущенными и перевили золотыми цепочками с какими-то красными бусинами. И сверху еще надели расшитый узорами красный халат. Наверное, было красиво, но это была незнакомая ей варварская красота.

– Сайхан боол! Цом, – со вкусом проговорила старшая, поднимая ее за руку.

Вот так, держа за руки, Алю и вывели из шатра.

Примечание:

* Здесь и далее местное наречие (фант.)

** Высказывание принадлежит Чингисхану.

Действие происходит в 2020 г. (масочный режим).

глава 2

Становище Угэ-хана было велико. Шатры его воинов стояли полукругом, в центре ханский шатер. А перед ханским шатром был установлен широкий помост, крытый красными коврами. Угэ-хан праздновал очередную победу.

С ним за столом сидели ближайшие соратники и сыновья от разных жен. И особо – Дер-Чи, его старший сын от ургурской княжны. Дер-Чи должен был унаследовать небесный трон, однако хан не спешил объявлять его наследником. Он еще собирался жить долго. Старый Угэ был жесток, хитер и любил стравливать всех, а потом смотреть, как они выпускают кишки друг другу ради призрачной добычи.

И сейчас узкие глаза хана скользили по застолью, предвкушая развлечение.

Несколько часов назад у окраины становища, там, где пасся табун боевых коней, его воины нашли девушку. В странной одежде, белокожая, длинные светлые волосы. Редкая красавица. Девушку сразу отвели в шатер, отныне рабыня становилась личной наложницей хана. Воин, который увидел ее первым, получил хорошее вознаграждение.

А рабыня...

Хан имел на нее свои планы.

– Отец, отдай ее мне! – упрямо набычившись, просил Дер-Чи.

Угэ невозмутимо усмехался в усы. Дер-Чи горяч, привык, что ему все достается легко. Рабыню он просил не зря, наложница из личных наложниц хана – ступень вверх. Поднявший край одеяла своего отца* получает особенное право. Дер-Чи, может, и хотел заполучить красавицу с длинными светлыми волосами, но еще больше он хотел поскорее сместить отца и самому занять соблазнительный трон.

– Отец, отдай мне невольницу, – снова стал настаивать Дер-Чи.

Хан взглянул на сына с усмешкой. Дер-Чи был молод, полон сил, красив, это раздражало. А еще он был одним из лучших воинов.

– Хочешь невольницу? Возьми. Покажи всем, что ты лучший, – со смешком сказал Угэ-хан и добавил, переглянувшись со своим старым соратником Забу-Дэ: – Заодно разомнешься.

А потом махнул рукой и выкрикнул:

– Той! Выставляю на кон рабыню. Пусть трофеей достанется победителю.

Перед помостом сейчас соревновались борцы, а промежутках плясуны показывали свое искусство и фокусы. Как только прозвучал приказ, площадь сразу освободили, чтобы устроить ристалище. Народ загудел и стал стягиваться кольцом, занимая места как можно ближе к ограждению с волчьими хвостами.

– Благодарю, отец! – сжал руки перед грудью и поклонился Дер-Чи.

И спустился с помоста вниз.

Ему уже подвели коня, и как раз в это момент из шатра вывели рабыню в богато расшитом красном одеянии. Девушка была настолько хороша, что Дер-чи на мгновение замер, засмотревшись на нее.

Потом резко вскочил в седло и выехал на середину ристалища.

Если в шатре и было ощущение западни, то сейчас, когда Алю вывели наружу, весь этот опасный чужой мир обрушился на нее шквалом. Она зажмурилась, дрогнули руки в попытке вырваться и бежать обратно. Спрятать там от них от всех свой страх, закрыть глаза, заткнуть уши. Проснуться, наконец!

Но женщины держали ее крепко.

Не вырваться, не стоит и пытаться. Ей просто не дадут уйти.

«Боишься – не делай, делаешь – не бойся, а сделал – не сожалей», – пришло из глубины сознания.

Паника отступила.

Она медленно выдохнула и нашла в себе силы оглядеться. Огромный стан в пыльной степи. Шатры. Узкоглазые воины в халатах и островерхих шапках. Бряцание оружия...

И взгляды. На нее сейчас смотрели все, ее буквально поедали глазами, как будто она кусок мяса, брошенный перед волчьей стаей. Аля невольно сглотнула и дернулась снова. Но ее уже вели за руки к столбу перед широким помостом, на котором был установлен длинный стол.

Одного взгляда было достаточно, чтобы определить для себя, что это местная знать. Главным ей показался сидевший в центре старик. Холодные глаза как у змеи, жестокая ухмылка, жест... она заметила, как хищно скрючились его пальцы.

Вдруг с помоста спустился молодой мужчина. Он был лет тридцати, высок ростом и даже красив, восточные черты, узкая черная бородка, усы. Богатая одежда и оружие. Ему подвели коня, но прежде, чем сесть в седло, мужчина посмотрел на нее долгим взглядом. Так лев смотрит на добычу. Под его взглядом стало по-настоящему жутко. Даже на мгновение исчез весь этот шум и выкрики.

Мороз по коже.

Аля напряженно замерла, а на большой огороженной площадке происходило что-то странное. Опасный всадник выехал на середину, поднял копьё и стал что-то выкрикивать горланно. А гул толпы только нарастал. Наконец с помоста спустился еще один мужчина, тот был лет сорока, одноглазый, весь какой-то потертый. Похож был на матерого волка. Ему тоже подвели коня, он выехал и занял позицию напротив того всадника.

А до Али стало наконец доходить, что сейчас тут будет поединок.

Боже, куда она попала!..

Всадники стали расходиться в стороны, толпа буквально взревела, а женщины, державшие ее за руки, подались вперед, повторяя:

– Цом! Ялал той!**

Потом старик, сидевший в центре помоста, повел рукой, и враз стало тихо.

А в следующее мгновение всадники сшиблись! Аля не успела даже крикнуть. Только заметила, что у всадника в богатой одежде копьё длиннее и тяжелее на вид. Когда они разъехались, тот, второй, похожий на матерого волка, завалился набок, заливаясь кровью.

Опять это «Цом! Цом!» кричала толпа.

Победитель оглянулся на нее и что-то выкрикнул, потрясая копьём. И стал разъезжать на коне по ристалищу, казалось, после такого вызов ему не посмеет бросить никто. Но вот вперед вышел какой-то парень и поднял правую руку.

Среди этой толпы он казался чужаком.

Смуглый, черноволосый, высокий и развитый. Красивый, хмурый, а глаза – большие, серые с желтизной, не раскосые, как у всех. Из одежды на нем были только кожаные штаны и какой-то доспех, закрывавший грудь. И сапоги. Все.

Голые руки, шея...

Он еще и доспех этот свой снял с себя, открывая крепкую загорелую грудь.

«Да он с ума сошел!» – с ужасом подумала Аля.

Тэмир.

Кто бы сомневался.

Увидев потомка проклятого рода, Угэ прищурился.

Надо было убить мальчишку, когда он вырезал всю его семью. Отец Тэмира был из чужаков, они начинали вместе, Угэ и степной волк Сохраб. Угэ не родился с золотой ложкой во рту, он был сыном простого воина, но смог подняться высоко. А Сохраб был его ближайшим соратником, помог расчистить дорогу к небесному трону.

Став ханом, Угэ в первую очередь с ним расправился и самолично уничтожил всех в его роду: мужчин, женщин, детей. Оставил только одного четырехлетнего мальчонку. Тот сидел среди трупов и смотрел на него, и Угэ-хан остановил свой клинок, потому что испытал суеверный страх при виде ребенка.

«Он сам подохнет», – сказал себе Угэ и ускакал, приказав сравнять там все с землей.

Однако мальчишка не подох. Прошло тринадцать лет, и он появился в его войске. И вот уже четыре года мозолил ему глаза. Держался обособленно, смотрел волком. Угэ в любой момент мог приказать переломить ему хребет, но почему-то не смел. Тот суеверный страх, испытанный однажды, никуда не ушел. Хан был терпелив, он издали наблюдал за змеенышем, видел, как тот поднимается потихоньку, и все ждал, когда же кто-то перережет ему глотку.

Кажется, такой момент сейчас настал. Пусть это сделает Дер-Чи.

Угэ-хан тонко усмехнулся и отмахнул рукой, разрешая поединок:

– Той!

Было очень страшно смотреть, как ярился тот всадник в богатой одежде, уже победивший в одном бою. Он разъезжал в центре круга, выкрикивал что-то и потрясал копьем, а толпа редела в такт. И видно было, что поддерживали его, а не того, кто посмел бросить ему вызов.

– Что ты делаешь, дурак? – шептала Аля беззвучно. – Он же убьет тебя.

Его противник был мощнее, и копьё у него было длиннее почти на треть. Не говоря уже о том, что конь у него был покрыт прочной попоной и сам он был в стеганом халате с металлическими пластинами. А этот с голой грудью.

Безумец. Никакой защиты...

Но тут парень взял в руки короткое копьё с широким наконечником, легко вскочил на крепкого буланого коня и выехал в круг. На какое-то время они замерли друг против друга, подняв кверху копьё. Потом тот, в богатой одежде, вдруг обернулся, взглянул на Алю дикими глазами и что-то выкрикнул.

Он... как будто собирался сожрать ее живьем. Мороз по коже! Трудно было не догадаться, что значил этот взгляд. А в следующее мгновение всадники сшиблись.

Не зря говорят, что самые страшные зрелища притягательны. Аля очень хотела закрыть глаза, но не смогла. Словно в замедленной съемке она смотрела, как острие копьё нацеливается в центр голой груди этого безумца. Еще секунда – и все, ему конец! Но в последний момент он резко увел коня в сторону и извернулся, пропуская тяжелое и длинное копьё под руку. А сам, вытянувшись струной, достал богатыря своим копьём. Тот вылетел из седла и, кувыркаясь, еще на несколько метров пропахал песок.

Сколько это длилось? Секунды? Годы? Аля не верила своим глазам, а сердце колотилось где-то в горле. Она вдруг поняла, что не дышала все это время, и только сейчас смогла вздохнуть свободно,

Конь того богатыря скакал дальше без всадника, а победитель... Видно было, как он прикрывает локтем окровавленный бок, но он держался в седле и не выпустил из руки свое оружие. Сначала было глухое молчание, потом раздались отдельные выкрики:

– Ялал той!

И уже громче:

– Цом!

Аля ничего не могла понять, но вся эта толпа повернулась к ней.

Проклятый щенок упрямо сжимал челюсти и даже не смотрел на своего хана.

– Ялал той! – кричали воины. – Честный бой! Честная победа!

Старый Угэ в тот момент испытал острое желание переломить хребет сыну Сохраба. Или еще проще – заставить его снова и снова биться за трофей. Чтобы он сдох прямо здесь, на его глазах.

Но хан умел тонко чувствовать настроение своего войска. Оно как зверь, надо знать, когда зверю нужна кость, а когда нагайка. К тому же Тэмир преподнес неплохой урок Дер-Чи. Упал мордой в песок? Будет знать, как примеривать свой зад на трон отца.

Хан медленно поднял руку, призывая свой народ к молчанию, а потом сказал:

– Ялал той. Знай мою щедрость. Трофей твой, можешь забирать.

Проклятый щенок поклонился, но так и не соизволил взглянуть своему хану в глаза. Угэ подавил желание скрипнуть зубами и приказал:

– Отведите рабыню в шатер этого голодранца.

Потом презрительно посмотрел на своего старшего сына, который уже успел встать и отряхивал пыль с халата, и бросил:

– А господину помогите подняться. Он, наверное, выпил слишком много вина.

За столом раздалась смешки.

Хан знал, что Дер-Чи услышит и не спустит тем, кто посмел смеяться. Вот так и надо, пока они грызутся меж собой, небесный трон в относительной безопасности. Хуже будет, если они за его спиной начнут сговариваться. Но он этого не допустит никогда.

Все-таки надо было убить сына Сохраба, но Угэ почему-то не решался. Он сказал себе: не время. Пусть живет пока.

Он дал ему женщину, а женщина опасна.

Эта мысль понравилась хану, вернула хорошее настроение, он потребовал еще наполнить пиалы.

Тэмир сделал это, чтобы дернуть за усы старого хана.

Он знал, что может победить Дер-Чи, хотя тот был сильнее и опытнее. Но Тэмир хорошо изучил его тактику, а противопоставлять ловкость и разум силе он научился еще ребенком, когда выживал на пепелище.

И еще он сделал это, потому что девушка в красном боялась. Тэмир мог ее защитить.

Толпа кричала что-то, а Але вдруг стало страшно, что бой еще не окончен и теперь этому сумасшедшему парню кто-то бросит вызов. А он ранен, и его могут убить. Однако поединок не продолжился. Старик на помосте сказал что-то, а победитель поклонился, развернул своего буланого коня и медленно покинул ристалище.

Но теперь снова стало страшно – что будет дальше?

И не успела Аля проводить его взглядом, как к ней подошли два воина. Женщины, державшие ее за руки, разом отступили. И не успела она испуганно пискнуть:

– Что? Что происходит? Куда вы меня тащите?!

Как ее схватили за руки и повели куда-то. Она пыталась вырваться, а толпа хохотала и улюлюкала. Над ней смеялись, над ее страхом, поняла Аля, сцепила зубы и выпрямилась.

Не дождетесь, гады.

Под этот смех и улюлюканье ее вели по становищу, пока наконец не привели куда-то на край. Остановились и втокнули ее в шатер так, что она влетела туда спотыкаясь. Вот теперь стало дико страшно! Но ничего не происходило.

А у дальней стенки шатра с кровавой тряпкой в руке стоял тот парень, что бился на поединке. Аля увидела его и смутилась.

Примечание:

* Местное выражение; получить женщину из наложниц отца было престижно, давало право исключительности.

** Честный бой (поединок на празднике).

глава 3

От неожиданности, от непонимания всего, что вокруг происходит, Аля замерла и так и стояла столбом и пялилась на него. А он был в одних черных штанах, босой, темные волосы, влажные от пота, мелкие пряди прилипли ко лбу...

Посмотрел на нее, словно на пустое место, повернулся спиной и приложил окровавленную тряпку к боку. Аля почувствовала себя идиоткой. Потом наконец разглядела, что у него распорот бок и длинная рваная рана тянется чуть ниже ребер за спину, и ахнула от испуга, зажимая ладонями рот.

Парень мгновенно обернулся, сурово взглянул на нее, и она почувствовала себя еще большей идиоткой. Потом очнулась – ему же нужна помощь. Такую рану надо шить! Но прежде обработать, мало ли какая могла попасть инфекция. Обязательно нужен антисептик. И анальгетик, и антибиотики.

Она, правда, только в кино видела, как обрабатывают раны, но если нужно... Аля невольно заозиралась по сторонам и только открыла рот, чтобы предложить свою помощь, как полог шатра резко взлетел, а она инстинктивно шарахнулась в сторону.

Тэмиру сейчас было не до нее. Если честно, он вообще не знал, что с ней делать. Но девушку уже привели в его шатер, и, наверное, так было лучше. Во всяком случае, здесь Дер-Чи до нее не доберется.

Вблизи она была даже еще красивее, чем казалась издали. Тэмир думал – размалевали для тоя, но нет, это были ее природные краски. Белая кожа, яркие, как кровь, губы и большие влажные серые глаза. Такие же глаза были у его матери.

Девушка испуганно косилась по сторонам. Тэмир отвернулся, чтобы не пугать ее еще больше, и занялся раной. Только стал обтирать кровь, в шатер влетел Дава, один из четырех его близких друзей.

Влетел и замер на пороге, кося глазом на девушку.

– О, тебе уже привели твой трофей?! Не знал, прости.

– Заткнись лучше и помоги, я сзади не вижу.

– О, ну конечно, у тебя же нет глаз на затылке! Хотя я иногда забываю об этом.

– Хватить трепать языком. Помогаешь – помоги, если нет, я справлюсь сам, – проговорил Тэмир, глядя на Дава.

Тот дернул шейю, неловко покосившись на девушку, и пошел к нему, ступая вразвалочку и косолапя. Подошел, стал осматривать рану и пробубнил:

– Промыть надо. И заштопать. И я бы ханского шамана позвал, заговорить рану, мало ли чем острие копья могло быть смазано.

– Обойдемся без шамана, – сказал Тэмир и показал на широкую чарку, в которую он заранее налил немного арака.

Дава чертыхнулся.

– Сляжешь же, ненормальный. Вот Дер-Чи обрадуется!

– Не слягу, – сквозь зубы процедил Тэмир, пока Дава заливал огненной водой рану на боку.

А тот промыл рану, тщательно осмотрел. Потом сказал:

– Лучше, чем я думал. Ты везучий. Но зашить надо.

– Не надо, будет мешать.

– Ну хоть перевязать!

– Не надо, так быстрее затянется.

– Ну ты... Черт с тобой, сейчас принесу снадобье моей бабки. Намажешь.

– Неси, давай.

Дава обтер руки и вышел из шатра, украдкой косясь на застывшую в углу испуганную девушку. Тэмир сам старался меньше на нее смотреть, чтобы лишний раз не смущать. Все-таки она слишком красивая.

Через несколько минут Дава вернулся.

– Вот, принес, – сказал, морща нос. – Я не знаю, что моя бабка сюда мешает, то ли волчий жир и помет тушканчиков, то ли мочу волка и... Воняет страшно, но от этого снадобья на мне все сразу как на собаке заживает.

Зачерпнул пальцами и тут же протянул, отворачиваясь:

– Фуууу!

А потом искоса взглянул на девушку и добавил, подкашливая:

– Как ты теперь э... Твой трофей тебя не выгонит из шатра?

– Мажь, давай, – вяло огрызнулся Тэмир.

Он уже устал от всего этого и хотел есть. И надо было накормить девушку.

Тот воин, вошедший в шатер, был невысокий и коренастый. Настоящий степняк. Лицо круглое, улыбчивый, у него еще росли такие усики, молодой, наверное. Он говорил что-то и стал осматривать рану.

Все эти кровавые тряпки, запах спиртного, запах крови.

Потом этот круглолицый вышел и вернулся с какой-то плоской. И опять занялся раной. Аля забила в самую дальнюю часть шатра и оттуда с ужасом смотрела, что они творят в антисанитарных условиях, и ей становилось дурно. Самой хотелось кричать. Казалось, это должно быть очень больно, но тот парень молча терпел, даже в лице не изменился. Только один раз она встретила с ним взглядом.

У него были большие серые с желтизной глаза. И взгляд такой, что...

Она не выдержала, опустила голову. А потом вообще стала осматриваться, не решаясь больше на него смотреть. Глаза уже давно привыкли к полумраку, царившему в шатре, и теперь она видела гораздо лучше. В стороне от входа лежало его оружие и небрежно брошенный сверху доспех, похожий на античный панцирь.

Зачем он снял его перед боем? Зачем было так рисковать? Вспомнила сейчас, как тот другой летел на него с копьем, и невольно передернулась. Но Аля уже поняла, что это необычный человек.

А еще она понемногу стала догадываться, зачем ее привели сюда. Ведь если сопоставить все, получалось, что она приз, за который он дрался и победил. И теперь она его собственность? Все внутри восставало против!

Там, на ристалище, кричали: «Цом! Цом!». Аля не знала, что это значит. Но сейчас, когда державший ее в тисках страх немного прошел, она поневоле стала задумываться – а что же с ней дальше будет?

Наконец круглолицый вышел, сказав что-то на прощание. Дернулось полотнище полога и опустилось, отрезав их от внешнего мира. Она осталась в шатре наедине с победителем.

Сразу повисло напряжение. Чего ждать?

Парень встал со своего места, а она невольно дернулась. Потом замерла, глядя перед собой. Но он даже не взглянул в ее сторону, подобрал кровавые тряпки с земли и как был, в одних штанах и босой, вышел наружу. А ей вдруг стало страшно одной.

Как в первый миг своего попадания. Мгновенно сгустился сумрак, шорохи поползли отовсюду, звуки, шаги снаружи, ржание, лай... Хохот. Страшно!

Но вот полотнище полога снова дернулось. На пороге возник он. У него в руках было две миски. Одну он положил на низенький плетеный столик, с другой ушел в дальний конец шатра и начал есть. До этого момента Аля не чувствовала голода, а тут прямо живот подвело. Но это же надо было встать с места, а она не хотела привлекать к себе лишнее внимание.

И тут он вдруг перестал есть и вскинул на нее тяжелый взгляд.

Аля так и застыла, боясьдохнуть. А он встал, взял со столика вторую миску. Подошел, присел на корточки и протянул ей:

– Йе!

Она вздрогнула. Опустила глаза – в миске была жидкая каша, в которой плавали кусочки баранины. Большая порция.

– Йе.

– Спасибо, – пробормотала Аля, забирая у него миску.

Он не ответил, молча отошел и снова принялся за еду.

Они так и ели молча, каждый в своем углу. Аля временами поднимала взгляд от миски и смотрела на него. Она про себя окрестила его «парень», но нет, это был мужчина. Совсем молодой. Вблизи она разглядела, что у него гладкая кожа, загорелая, но не грубая, как можно было бы предположить, а шелковистая. Черты лица были правильные, а глаза большие, серые, взгляд суровый, пристальный.

И, конечно, рана на боку. Аля не могла на его развороченный бок смотреть.

Она еще подумала, что он по возрасту ровесник ее однокурсников. Но те по сравнению с ним воспринимались такими детьми. Инфантильные, рыхлые, ничего не видевшие в жизни, кроме компьютерных игр.

Боже, каким все казалось далеким. Еще сегодня утром она бежала на лекции, суетилась. А теперь? Уставилась в миску с кашей, сжала покрепче в руке грубую деревянную ложку. Пахло бараньим жиром. Она сцепила зубы и стала доедать, пока совсем не остыло.

Так странно было осознавать себя в этом шатре, в этой красной одежде, в украшениях. И отголоски переживаний от всего увиденного. Она невольно вздрогнула и задышала часто и глубоко. Ведь если бы победил не он, а тот, другой, который был в богатой одежде... Ей вспомнился его взгляд, горячий и алчный. Как будто он хотел живьем ее сожрать. Не так уж она была инфантильна, чтобы не понять, что он стал бы с ней делать.

Подумала так и снова передернулась. Надо было как-то выразить этому парню благодарность, но она не знала ни слова на их языке, не знала даже его имени. Да и, если честно, моментами, поглядывая на него, задавалась мыслью – а нужна ли она ему вообще со своей благодарностью?

Потому что он как принес ей еды, так с тех пор вообще перестал замечать ее.

Сам быстро доел, оставив миску куда-то в сторону, потом подошел к пологу и выглянул. Аля уж думала, опять уйдет, но нет. После этого к нему в шатер вошли еще четыре молодых воина. Одного, того, круглолицего, она узнала, других видела впервые. Все они, проходя внутрь, косились на нее.

Однако тот парень что-то сказал и сразу увел их вглубь шатра. Там они уселись кружком и довольно долго говорили о чем-то. О ней как будто забыли, и, наверное, это было хорошо. Аля поставила пустую миску на плетеный столик и затаилась, стараясь казаться меньше и незаметнее.

Но вот совещание окончилось, молодые воины стали расходиться. Один направился к ней, она вся сжалась, а тот взял со столика ее пустую миску и вышел.

А ее... хозяин? или как еще его звать? Подхватил с пола свою миску и тоже вышел.

Она осталась одна в шатре.

Тем временем совсем стемнело и наступила ночь. А ночью вообще все иначе. Аля очень плохо представляла себе, что теперь будет. И надо же где-то спать... Не успела додумать, полож шатра снова колыхнулся, вошел тот круглолицый. Отводя взгляд, бочком приблизился и положил недалеко от нее наземь большой глиняный горшок. И тут же вышел.

Аля сначала не могла понять. А когда поняла, готова была сгореть от стыда. Это же ей... э... для естественных надобностей? Ужас какой... Она не могла к тому горшку прикоснуться, да что прикоснуться! Она не могла пошевелиться.

Некоторое время в шатер никто не заходил. Потом вернулся этот... хозяин ее. Глянул искоса в сторону горшка. Аля чуть сквозь землю не провалилась. А он прошел вглубь шатра, туда, где прямо на земле были набросаны шкуры и куски войлока. Взял одной рукой кусок темной ткани и стал стелить, а потом улегся спиной к ней на здоровый бок.

И... все? Уснул?

Аля не могла поверить. Некоторое время еще сидела, нервно прислушиваясь. Наконец усталость взяла свое, она свернулась комочком у стенки шатра и задремала.

Разбудил стон.

Тихий, но такой явственный.

– Ммммм... Ммммм!

Подскочила с колотящимся сердцем. В первый момент не могла понять, где находится, что происходит, потом дошло – шатер. А это он во сне стонет, наверное, воспалилась рана. И как тут быть? Надо же кого-то на помощь звать, а она ни слова не знает на их языке.

Мужчина снова застонал и стал метаться во сне.

Что делать? Аля зажала ладонями рот, стала оглядываться. Потом все-таки пересилила себя. Встала и тихонько подошла, хотела посмотреть. Но только она приблизилась, как он мгновенно перевернулся и схватил ее за руку.

Она так и застыла, глядя в его глаза.

А у него взгляд был дикий и сосредоточенный, как у потревоженного хищника. И такой глубокий, что Аля просто увязла. Он тоже замер, глядя на нее, брови сошлись на переносице. Сжал ее руку сильнее и потянул на себя.

И тут она наконец очнулась, заговорила, сбиваясь от волнения, потому что стало страшно – вдруг он решит, что она пыталась убить его или еще что-то замышляла.

– Ты стонал во сне! Тебе было плохо! Ты... У тебя рана! Она же воспалилась.

Потом осеклась под его взглядом и прошептала:

– Я хотела помочь. Правда. Я...

Ну вот. Сказала.

Только он все смотрел на нее и хмурился. Ну да, конечно, он же ни слова из того, что она говорит, не понимает. Стало жаль себя и захотелось плакать. А парень неожиданно перехватил ее руку выше и приподнял рукав. Взглянул на татуировку на запястье, потом ей в глаза.

Аля беззвучно ахнула. За всем, что с ней случилось сегодня, она и забыла про ту татуировку! Когда только он успел ее заметить, ведь в шатре было темно. И вид у него бы такой, что ей стало не по себе опять.

Попыталась отнять руку, но он не выпустил. Наоборот. Сильнее потянул на себя, показал на место рядом и проговорил:

– Ят.*

– Что? – испугалась Аля. – Не надо, пожалуйста.

И уж совсем не зная, что сказать, выпалила:

– Тебе нельзя! У тебя откроется рана!

– Ят! – повелительно повторил он.

Усадил на свою постель, а сам встал и вышел из шатра.

Тэмир был потрясен. У этой девушки на руке знак – голова дракона.

Ему предсказывал один слепой старик, что в его жизнь придет женщина-дракон. Тэмир ему в лицо рассмеялся. Разве бывает женщина-дракон?! А оно вот как.

Он сам не помнил, как вылетел из шатра.

– Куда? – спросил Гырдо, один из четырех его близких друзей, дежуривший снаружи.

– Надо, – ответил Тэмир.

И подошел сначала к своему коню, постоял немного, прижавшись к боку, а потом пошел напрямик в шатер к Дава.

– Э? – вытаращился тот, подсакивая со сна. – Хе-хе! Я все-таки был прав, и твой трофей выставил тебя из шатра?

– Не болтай, – буркнул Тэмир. – Лучше давай сюда снадобье твоей бабки.

– Воспалилась? Я же сказал!

Дава сразу же сделался серьезным. Мазал ему бок и ворчал. Когда он закончил, Тэмир сказал:

– Я сегодня лягу у тебя.

– Да уж конечно! Ложись давай. А я так и быть, посторожу там твое богатство.

Честно? Аля была в шоке и не знала, что думать. Сидела там и тряслась, каждую минуту ожидая, что он вернется, и тогда... Но время шло, а он не возвращался. И тогда до нее дошло, что он просто уступил ей свою постель.

Снаружи было тихо, только иногда доносился отдаленный лай и тихий звон упряжи. И спать уже хотелось адски, после всего глаза просто закрывались. Она улеглась с краешку, и плевать, что тут антисанитария и спать придется почти на полу. Свернулась калачиком и заснула сразу.

Последняя мысль была, что она теперь знает два слова «йе» и «ят».

Примечание:

* Йе – ешь, ят – ложись.

глава 4

С ханского пира, если хан не отпустит, можно уйти только вперед ногами. А сыну своему Дер-Чи Угэ-хан не позволил уйти. Пришлось господину после поражения, которое видели все, отряхнуться и возвращаться за стол, где сидели его младшие братья от разных ханских жен и ближайшие соратники Угэ.

И хоть в лицо ему никто не посмел смеяться и язвить, смешков за своей спиной Дер-Чи услышал много. Он запомнил всех. Один только старый Забу-Дэ не изменился в лице и преспокойно продолжал есть, помогая себе узким острым ножом и обсасывая пальцы.

Угэ, хоть временами и посматривал на старшего сына с издевкой, эту тему в разговоре не поднимал, но Дер-Чи уже понял, что в ближайшее время ему не светит ярлык на самостоятельное княжение. Конечно, не оправдал надежды отца, упустил свой шанс. Оставалось только глушить боль в голове араком.

И чем больше Дер-Чи пил, тем яснее понимал, что Угэ сделал это специально. Не отдал ему рабыню, хотя и мог. Что ему стоило, сам уже стар, давно не топчет баб. Но нет, он все подстроил, чтобы его унижить!

Не могло быть такого, чтобы голый змееныш Тэмил победил его.

Теперь уже Дер-Чи в алкогольных парах виделся заговор.

А рабыня... Сайхан боол, сайхан! Он сжимал кулаки, заливаясь черной злостью. А перед глазами пелена. И сквозь эту пелену Дер-Чи видел, как этот сын гадюки касается своими погаными руками ее длинных светлых волос, как он снимает с нее затканный узорами красный халат.

Это он должен был касаться ее волос и снимать с нее красный халат! Она должна была ждать ночи в ЕГО шатре!

– Йеыхххх! – зарычал Дер-Чи, грохнул кулаками по столу и смахнул пиал.

– Наполните пиал господина, – велел хан. – И поставьте рядом, а то его что-то зрение стало подводить.

Дер-Чи скрипнул зубами. В тот момент он хотел удавить отца, но привычно сдержал себя. Выпил пиал, потом еще и еще. Все, что перед ним по приказу хана поставили. Пил, а в голове зрел план. Пойти к змеенышу и забрать у него рабыню. А будет противиться – перерезать ему глотку. Но праздник все продолжался, и Дер-Чи приходилось сидеть за столом, пока хан не наестся его унижением.

А тот гаденыш тем временем...

– Бляаааа! – рычал он снова и сметал со стола дорогую посуду.

Но перед ним ее выставляли снова, клали лучшие куски. Отец собственноручно соизволил послать ему бараний глаз. Дер-Чи едва сдержался, чтобы не сплюнуть. Сжал руки на груди и проговорил:

– Благодарю, мой хан.

Но наконец пир закончился, хан наелся и напился. Дер-Чи первым после отца поднялся из-за стола и хотел уйти, однако Угэ обернулся и приказал:

– Проводите господина, он сегодня устал.

Еще одно унижение!

Но он только поклонился. Пришлось вытерпеть, пока верные прихвостни отца доведут его до шатра. Он вошел внутрь, развернулся и рыкнул:

– Что, и исподнее снимать мне поможете?

Все-таки он был старшим сыном хана. Воины поклонились и ушли. Все! Теперь его ничто не удержит. Он возьмет себе светловолосую рабыню.

В шатре вертелся мальчишка-прислужник, его ждал, чтобы помочь разоблачиться. Дер-Чи рывкнул, чтобы тот убирался. А потом быстро пристегнул к поясу меч, взял топор и уже собирался выйти, как полог его шатра распахнулся.

Вошел Угэ-хан и с ним его правая рука, старый Забу-Дэ. Дер-Чи беззвучно выругался сквозь зубы, но сцепил руки на груди и склонился перед ханом:

– Отец.

А тот оглядел его с ног до головы и хмыкнул.

– Далеко собрался, сын?

Он не стал отвечать, выпрямился и застыл. Угэ скрипуче рассмеялся:

– Не спится? Живот болит?

Не насытился его унижением?!

Сейчас в нем говорил арак, но Дер-Чи не выдержал, рывкнул:

– Ты должен был отдать ее мне!

– Поучи меня, что я должен, – голос хана опасно похолодел.

Когда Угэ бывал в таком настроении, легко можно было недосчитаться головы. Дер-Чи опомнился:

– Прости, отец.

Но он был обижен. А хан смерил его взглядом, прошел вглубь шатра и проговорил:

– Никуда не пойдешь.

– Почему? Если я убью его сейчас и заберу рабыню – это будет справедливо! – выплюнул Дер-Чи.

Голос подал старый Забу-Дэ. Он равнодушно проговорил:

– А зачем? Тэмир ранен. Ты неплохо достал его копьем. Ему сейчас не до рабыни, он, может, до утра сам сдохнет. Вот тогда пойдешь и возьмешь.

Угэ следил за своим старшим сыном за столом и знал, что Дер-Чи не смирится с поражением. Захочет взять рабыню себе. Более того, он хотел бы, чтобы Дер-Чи убил змееныша. Но. Ялал той.

Трофей, добытый в честном бою, нельзя отнять. Войско никогда не поддержит.

Войско как зверь. Если хочешь, чтобы этот зверь служил тебе, надо знать, когда ударить нагайкой, а когда почесать за ушком и бросить ему кость. Сейчас был тот самый случай, когда надо поддержать иллюзию, что хан справедлив и щедр к своим воинам. И все они для него как дети. Хе-хе.

Но Дер-Чи все-таки его старший сын, и ему нужна будет поддержка войска.

О том, что опять почему-то не решается убить проклятого мальчишку, Угэ не хотел думать. Это было что-то сверхъестественное и суеверное, чего он предпочитал не касаться.

О том, что ее могло ждать, Аля даже не предполагала. Она спокойно проспала всю ночь, а утром проснулась в шатре одна. Солнце просвечивало сквозь щели. Она села на постели, растирая шею. Отлежала с непривычки. Но это была не самая большая неприятность.

Самая большая заключалась в том, что уже чересчур настойчиво заявляли о себе естественные надобности. Она долго не решалась, потом, обмирая от неловкости и от страха, что кто-нибудь войдет в самый неподходящий момент, воспользовалась-таки горшком.

Ухxxx... Полдела было сделано.

Но теперь же это надо было как-то вынести. Она стала оглядываться, как бы сподручнее с этим пробраться к выходу. И тут полог шатра колыхнулся и отлетел в сторону.

А она чуть не обмерла.

Думала – все, сейчас он зайдет, и она прямо сейчас умрет на месте от неловкости. Но в шатер вошел отнюдь не ее хозяин, а девушка. Такая круглолицая, узкоглазая, улыбчивая, зашла и замерла на пороге.

Они уставились друг на друга, и неизвестно, кто был растерян больше. Но девушка первой опомнилась и шагнула вперед.

– Тору*, – кивнула, приложив руку к груди, косички из-под странной шапочки качнулись вперед.

– Здравсьте, – пробормотала Аля, поворачиваясь бочком, чтобы не было видно, что она в руках держит.

Девушка значительно отличалась от тех бездушных теток, что держали и переодевали ее тогда, в самый первый раз. Одежда на ней была попроще, гораздо меньше висюлек на шее и в волосах. А главное, она смотрела без того презрительного превосходства. Это было хорошо, но теперь Аля ждала, когда она уйдет, чтобы...

И тут та шагнула к ней, протянула руку и выдала:

– Ег*!

– Что? – вытаращилась на нее Аля.

– Мин* ег, – повторила та, показывая на то, что Аля держала в руках. – Ег!

И придвинулась ближе. А Аля наконец поняла... Ей чуть дурно не стало, замотала головой. Хотела сказать, что только через ее труп. Девушка прыснула в кулачок, пробормотала что-то, потом ткнула себя щепотью в грудь и повторила:

– Мин авах*. Ег.

Подошла и попросту потянула это у Али из рук. Боже, так стыдно ей еще никогда не было. Но девушка фыркнула, эмоционально, но без злости, а потом решительно забрала горшок и вышла.

Аля чуть не села на месте. Ну вот – все. Все. Это был просто финиш. Обезличивание полное. Теперь она даже права не имеет горшки за собой выносить. Хотела снова забиться к стенке шатра, но девушка уже вернулась. В руках у нее была целая стопка каких-то тряпок. Сверху одежда, и было еще что-то.

– Та хувцас*, – сказала она.

Протянула ей из этой стопки халат, штаны и длинную рубаху и еще покрутила кистью – мол, бери. Конечно, Аля чувствовала себя глупо, но переодеться, наверное, стоило. В этом красном она была слишком заметна, и вообще, это навевало ей малоприятные воспоминания. Она взяла у девушки одежду и стала озираться, где бы найти укромный уголок, но такового в шатре воина не было.

И тут девушка оживилась и что-то быстро затараторила. Аля ничего не поняла, но та положила стопку на плетеный столик, а сама вытянула откуда-то из-за войлочной завесы моток веревки и стала натягивать ее между стойками каркаса. И сверху потом перекинула большой кусок ткани. Получилась ширма, которая отгораживала часть шатра. Укромный уголок.

Закончила и улыбнулась, показывая жестом – мол, иди. И повторила:

– Та хувцас.

– Спасибо, – проговорила Аля, прижимая к груди одежду, и для верности еще поклонилась.

Девушка поклонилась в ответ и показала на себя:

– Цецег.

– Что?

Та снова показала на себя и повторила:

– Цэцэг, – а в нее ткнула щепотью. – Нэр?

О, а это Аля поняла! И проговорила, показывая на себя:

– Аля.

– Алия?

Аля кивнула, а в сознании пронеслось шелестом ветра: «Отдыхай, Алия». Она тряхнула головой, сейчас об этом думать не надо. Сказала:

– Спасибо, – и ушла за занавеску переодеваться.

А пока одевалась, мыслей вертелось много, все думала. Так странно. В родном мире людей отгораживают друг от друга бетонные стены и многокилометровые расстояния, и все равно они не чувствуют себя в неприкосновенности. А тут – занавеска и тонкие стены шатра – границы чисто условные. Но ты полностью изолирован от всего внешнего.

Одежда вроде бы села нормально. Зеркала у нее, конечно, не было, но она повертелась так и сяк, оглядывая себя с боков. Потом заплела волосы в косу и вышла наконец из своего укрытия.

И чуть не шарахнулась назад от неожиданности.

Тэмир проснулся уже давно, и даже поесть успел с ребятами.

Они подсмеивались, на все лады повторяли, что выставил его из шатра его трофей. Но ему было плевать на то, у него шкура толстая. Давала себя знать рана на боку. Она за ночь от снадобья, которым его щедро намазал Дава, подсохла и затянулась струпом. И все же каждое неудачное движение отдавалось болью. Но Тэмир к этому привык и никогда бы не показал, что чувствует боль.

Гораздо больше его беспокоила оставленная в шатре девушка. Она была какая-то странная, беспомощная, как будто не от мира сего, но бесстрашная. И слишком красивая. Если долго смотреть, можно ослепнуть. Неудивительно, что парни засматривались на нее.

С ней надо было что-то делать, это он уже понял. Поэтому с утра же сказал Гырдо, чтобы тот попросил сестру помочь. А потом не выдержал, заглянул в шатер. Она спала, свернувшись на его постели клубочком. Странное чувство. Тэмир немедленно опустил полог и отошел.

И устроился снаружи перед шатром. Мало ли дел может быть у воина?

Тем временем солнце поднялось уже высоко, вокруг него собрались все четверо его друзей, как будто делать нечего. Наконец появилась Цэцэг, сестра Гырдо, и зашла в шатер, а они все аж затихли. Но вот она вышла, неся в руках... И шикнула на них:

– Эй?! Что уставились? Шеи свернете!

Отвернулись. Глупо вышло.

Потом Цэцэг еще сбегала в родительский шатер и принесла одежду.

Тэмир вошел не сразу, выждал снаружи, чтобы дать ей время, и только после этого подошел к пологу, закрывавшему вход в шатер. Замер на секунду, медленно отдернул и вошел.

Один взгляд. Уже понятно, что в его шатре за одно утро изменилось многое. Теперь там был натянут занавес, отделявший часть пространства *для нее*. Девушки не было видно, но Тэмир знал, что она *там*, и это почему-то безумно волновало.

Как раз в этот момент она вышла из-за занавеса и застыла на месте, как испуганная серна. А он невольно застыл, глядя на нее.

В красном расшитом узорами ханском халате она казалась яркой, как размалеванная кукла. Сейчас в этой простой одежде перед ним была живая девушка. И да. Так она была еще красивее.

– Тору, – сказал он и прошел внутрь, не глядя на нее.

Черт... Аля смотрела на его мощную спину и думала, что нельзя так обмирать от неожиданности. И вовсе не потому это, что у него слишком необычные глаза. И сам он... необычный тоже.

А он взял что-то с пола рядом с постелью, и пошел к выходу из шатра. Проходя, скользнул взглядом по занавеске, но ничего не сказал. Без него в шатре стало как-то пусто и тревожно.

Но вот полог снова отдернулся, вошел он. В руке две миски какой-то еды. Есть хотелось, да... Аля думала, он, как вчера, ей отдаст миску в руки, но нет. Вместо этого он выдвинул вперед плетеный столик. Устроился на войлочном ковре и поднял на нее тяжелый взгляд серых глаз.

– Йе.

Это что же, ей придется подойти к нему самой?

Примечание:

* Тору – здравствуй;

ег – дай; мин ег – дай мне;

авах – возьму, взять;

хувцас – одежда; та – ты, тебе.

глава 5

Ведь вроде бы ничего страшного, нет?

Он ведь уже показал, что не будет набрасываться. Да что она... Он бился за нее с тем мужчиной в богатой одежде. Алю до сих пробирала дрожь, когда она вспоминала, как тот мужчина на нее смотрел. И вообще, весь ужас, когда она очнулась привязанная к столбу, и потом, когда стояла перед ристалищем и эти тетki держали ее за руки. Этот парень ее спас.

Но при мысли, что надо подойти к нему, она заливалась холодом. Робость какая-то накачивалась. А он смотрел на нее и ждал. Наконец Аля пересилила себя и подошла бочком. Под взглядом его пристальных серых глаз ее ощутимо потряхивало, так что приблизиться – это тоже был подвиг.

– Ешь, – сказал парень.

Она уже понимала значение этого слова.

И еще нескольких других, таких как имя, еда, одежда. Несложный язык, просто... язык сломаешь. Фуххх.. Она медленно выдохнула. Лезет в голову всякая чушь. Подняла на него глаза и кивнула:

– Спасибо.

И уже хотела взять миску. Но он помахал пальцем:

– Э!

Аля замерла, не зная, чего ждать. Парень медленно переместился в сторону, все это не сводя с нее глаз. Вблизи они казались еще более яркими и выразительными. И весь он. Словно высеченный из блестящего камня... Она вовремя опомнилась. Нельзя на него пялиться, мало ли что может подумать.

А он точно следил за ней, потому что не дал отвести глаза.

– Суах, – проговорил он и показал на место, рядом с тем, которое только что занимал сам.

Да если б она понимала!

– Что? – беззвучно выдохнула Аля.

– Су-ах, – и снова показал на толстый войлок, постеленный на полу.

Сесть.

Наконец поняла.

Она прижала ладонь ко рту и отвернулась. Но потом все-таки села, подогнув под себя ноги. На него старалась не смотреть, потому что он был слишком близко и от его близости ее заливало румянцем. Когда она уселась, он подался вперед, пододвинул миску к ней ближе и сказал:

– Ешь.

Теперь он был к ней почти вплотную, хорошо, что отодвинулся обратно. Незнакомый мужчина, красивый, что греха таить, и она целиком и полностью в его власти. Тревожно, мысли лезут в голову разные...

– Спасибо, – едва слышно выдохнула она, преодолевая смущение.

Взяла миску, в которой была каша, похожая на вчерашнюю, только из другой крупы, и стала есть.

Для Тэмира это было своеобразное испытание, окунувшее его в прошлое.

Когда-то давно он остался единственным выжившим на пепелище родного дома. Один. Он мог думать только о том, что когда-нибудь отомстит за всех. Вернет все, что у них было отнято, и приумножит. Но прежде надо было выжить.

А чтобы выжить, ему пришлось научиться сдерживать себя и быть терпеливым. Никто не видел этого и никогда не узнал. Но первой настоящей добычей маленького Тэмира был стервятник, которого он обманул, притворившись неподвижным. Тогда ему надо было проявить терпение, чтобы убить.

Но сейчас он сдерживал себя, чтобы не спугнуть, успокоить эту девушку, похожую на дикую серну. Он не смотрел на нее, но остро чувствовал присутствие, вдыхал запах. Девушка иначе пахла, сладко.

Волосы, как будто пропитанные солнцем, и белая кожа, большие, светящиеся изнутри серые глаза. А руки... Тэмир заметил, что у нее нежные руки с гладкими розовыми ногтями. Эти руки не знали работы.

Кто ты? Хотелось ему спросить.

А молчание затягивалось, от этого понемногу начинало дрожать что-то в груди.

Вдруг полог шатра резко отдернулся.

Вчера Дер-Чи вынужден был подчиниться воле отца и остаться в своем шатре, но досада бродила огнем в груди. Чтобы как-то загасить огонь, Дер-Чи пил и смотрел перед собой. К нему в шатер нагнали наложниц, чтобы танцевали перед господином. Но они еще больше раздражали. В конце концов он оставил одну, а остальных прогнал. Эту он тоже прогнал, сразу после того как излил семя, не понравилась. И дальше он уже напивался до бесчувствия сам.

Естественно, наутро старший сын хана проснулся, чувствуя себя так, словно его рубелем* откатали. С похмелья трещала голова, и сгоряча он не заметил, но теперь после вчерашнего падения с лошади ныли шея и левая нога. Однако пришел в себя он быстро. Воин должен уметь преодолевать и боль, и похмелье. Иначе грош ему цена.

Промчался на коне, остудил голову.

И вот, относительно свежий, сел за еду. Смотрел, как мальчишка-прислужник выставляет перед ним яства. Мрачно усмехнулся, признав еду с ханского стола. Отец очень выборочно его баловал.

А в голову полезли мысли. Он вспоминал, как накануне приходил к нему отец, что говорил. И слова старого Забу-Дэ вспоминал. Кое в чем царский темник был прав, но у Дер-Чи не было терпения ждать. Ему надо было удостовериться, что это змеиное отродье Тэмир сдох от раны. Он хотел забрать рабыню прямо сейчас. Так хотел, что непроизвольно облизывал губы, во рту пересыхало.

Однако он не спеша закончил завтрак, не спеша пристегнул меч и вышел из шатра. И нет, прежде старший ханский сын, будущий Дер-Чи-хан, обошел своих преданных воинов, послушал, о чем говорят. Не мешало бы еще зайти к отцу, но это он собирался сделать позже, когда трофей будет уже в его шатре. Победителя не судят, с победителем иначе разговаривают.

В самый хвост становища, где ставили свои шатры самые захудалые воины, он тоже направился не спеша. Пусть видят, что идет господин. Его узнавали, перед ним склоняли головы и расступались. Наконец он добрался до шатра этого ублюдка.

Перед шатром вертелось несколько воинов в простой одежде.

Дер-Чи остановился, в их сторону смотреть не стал. Плевать ему было, чем они заняты. Чуть поодаль, у самой границы становища пасся крепкий буланый конь. Дер-Чи мрачно усмехнулся, коня тоже надо было бы забрать. Потом резко развернулся и направился ко входу в шатер, отдернул полог и вошел внутрь.

Первый же взгляд – ГДЕ?

Он искал красный халат, а в глаза бросилась отгораживавшая часть шатра занавеска. Потом он их наконец увидел. Сидели и ели вместе. Не сдох, проклятый выродок! А ее

он едва признал в этом тряпье, только увидев испуганные светлые глаза и тяжелую русую косу, понял. Вот как? Уже успела?!

Дер-Чи нехорошо ощерился и шагнул вперед.

Тэмир поднялся ему навстречу, закрывая девушку собой.

Всего несколько шагов отделяло его от цели. Он уже чувствовал, как толстая русая коса обовьется о его кулак. Но тут снаружи раздались быстрые шаги и звон оружия, и полог шатра взметнулся снова.

– Господин Дер-Чи!

– Господин! Хан зовет тебя на совет!

Дер-Чи медленно обернулся, взглянул на отцовских прихвостней. Оба поклонились и замерли навтыяжку перед ним.

– Господин, хан зовет тебя на совет, – повторил один из них.

Другой просто смотрел поверх его плеча. И правильно, что не решался смотреть в глаза, Дер-Чи сейчас был зол, мог и зарубить. Его снова заставляли прогнуть спину. Как он в тот момент ненавидел отца! Старый хан зажился, пора укоротить его дни.

Несколько долгих секунд прошло, наконец Дер-Чи резко сорвался с места и вышел. Отцовские прихвостни еле успели убраться, а он, не разбирая дороги, двинулся по становищу.

Перед ханским шатром стража. Еще на подходе Дер-Чи сбавил ход и оправил одежду. Подходил степенно, не спеша, пусть все видят, кто идет. Ему поклонились, перед ним откинули полог, допуская внутрь. Дер-Чи высоко поднял ногу, не дай Бог зацепить каблуком порог ханского шатра. Поднял голову, ожидая увидеть военачальников, советников и братьев, но здесь был только Забу-Дэ. Сидел рядом с ханом.

Старый темник был, наверное, единственным, к кому Угэ прислушивался. Потому что Забу-Дэ – как большой пустынный варан, которому все равно, кого жрать. Ни чувств, ни сомнений. Его вообще, кроме добычи, ничего не интересовало.

Однако советом здесь не пахло. Дер-Чи невольно замер, пытаясь угадать, зачем его вызвали, но сразу же опомнился и склонился перед ханом, сцепив руки у груди.

– Ты звал меня, мой хан?

И постарался спрятать глаза, чтобы тот не разглядел кипевшей в нем ненависти.

– Да, – проговорил хан и показал на место перед собой. – Проходи, садись.

Начало было хорошее. Если его пригласили сесть, значит, ничего неприятного вызов хана не сулил. Дер-Чи поклонился, прошел вглубь, сел, подобрав под себя ноги, и уставился на отца.

Хан молчал.

Все это стало затягиваться, наконец старый Угэ переглянулся с темником и с издевкой проговорил:

– Я смотрю, ты решил подружиться с этим голодранцем?

Дер-Чи вскинул голову как ужаленный.

– В шатер к нему ходишь. Соскучился?

– Отец! Я!.. – вспыхнул Дер-Чи.

Но хан его не слушал. Взмахнул рукой и уже другим тоном приказал:

– Раз так скучаешь по нему, будешь часто его видеть. Отныне Тэмир будет входить в совет. Тот, кто сумел победить лучшего ханского воина, может что-то толковое посоветовать.

– Отец! Он победил хитростью!

– Тем более, – скрипуче усмехнулся Угэ-хан и вдруг рыкнул: – Я все сказал!

Едва удержался Дер-Чи, чтобы не сорваться. И тут заговорил старый ханский темник Забу-Дэ:

– Врага надо держать близко.

Распаленный злостью молодой мужчина вылетел из шатра, а старый Угэ смотрел ему вслед. Хорошую мысль подсказал Забу-Дэ – ввести змееныша в совет, чтобы всегда был на глазах. Змееныш опасен. Слишком хитер, раз смог выжить и подняться. А для Дер-Чи очень полезно. Направит все силы туда и не будет думать о том, как бы скорее занять место отца.

Девушка-трофей, доставшаяся змеенышу, свою роль сыграла. Старый Угэ хорошо знал жизнь и был уверен, что не зря на нее поставил.

Вот именно чего-то такого Тэмир все это время подспудно и ожидал. Ночь прошла спокойно, утро тоже, но он знал, что Дер-Чи не успокоится. Не смирится с поражением. Будет при каждом удобном случае искать способ поквитаться или просто постарается его убить. Но Тэмира столько раз пытались убить, что это давно уже не пугало.

И вот Дер-Чи заявился сюда. И судя по тому, как он в первую очередь бросил взгляд на занавеску, а потом на девушку, и как налились кровью его глаза, понял, что у ханского сына на уме, было ясно. Ему нужен трофей.

Девушка.

Тэмир смотрел на ханского сына, темной глыбой замершего в проеме, а спиной ощущал ее страх. Разум в тот момент был кристально чист. Он смотрел врагу в глаза и просчитывал возможности. А у того был смурной и мутный взгляд, как у человека, пившего всю ночь, и еще Дер-Чи припадал на левую ногу и в своей тяжелой одежде был неповоротлив.

В голенище сапога у Темира был нож. Он знал, что успеет, был готов.

Но в этот раз драться не пришлось. Дер-Чи ушел, топоча, как рассерженная росомаха. Еще несколько долгих мгновений Тэмир стоял, прислушиваясь к удалявшимся шагам и шуму снаружи, потом повернулся к девушке.

А на ней лица не было. Бледная, зубы стучат, а глаза огромные, в них плещется страх и горит непонятная решимость. Она сейчас напомнила Тэмиру его самого, когда он ребенком остался совсем один против враждебного мира.

Но ей не надо бояться. Тэмир все равно не позволил бы Дер-Чи приблизиться к ней. Сейчас ему много было что сказать, однако он просто подошел к ней, присел на корточки, чтобы ближе видеть ее лицо, и сказал на языке своего отца, который все еще помнил:

– Коркма*. Не бойся.

Смотрел на нее и видел, что не понимает. Тогда он качнул головой, коснулся ее руки и повторил:

– Асла коркма*. Никогда не бойся.

Что-то такое метнулось в ее огромных глазах, маленькая белая рука дрогнула, а губы перестали дрожать. Девушка кивнула, как будто поняла. Тэмир вдруг почувствовал странное, как будто сердце расширилось в груди.

Но тут в его шатер влетели все четверо. Гырдо, Есу, Дава и Табга.

– Эй! Что тут произошло?!

– Ничего, – Тэмир поднялся на ноги и обернулся к друзьям. – Просто господин Дер-Чи решил заглянуть в гости.

– Да ладно! А мы уже решили, что тебя спасать надо!

Парни тут же загомонили разом, раздались смешки облегчения.

И так же разом все стихло.

Потому что снова резко колыхнулся полог шатра.

Все сразу обернулись и напряженно замерли, уставившись на ханского посланца. А тот, презрительно оттопырив губу, оглядел шатер, потом бросил на пол небольшой свиток и проговорил:

– Эй, пес, это для тебя.

И вышел. Несколько мгновений стояла оглушительная тишина. Потом Гырдо, стоявший с краю, поднял свиток и стал читать. И чем дальше читал, тем больше округлялись его глаза.

Тэмир уже успел передумать сотни мыслей. Это могли быть происки Дер-Чи, и тогда их не ждет ничего хорошего. Ханский сын не успокоится, он хочет заполучить девушку. Но Тэмир видел ее страх и прямо сейчас решал, как будет уходить.

Будь он один, это было бы несложно. Буланный пасся у шатра, край становища рядом, он бы просто перемахнул на коне за ограду, и все. Его никогда не найдут в степи, степь его дом, степь вырастила и выкормила его. Но с ним будет девушка. На себя Тэмиру было плевать, а ее надо беречь, укрывать от солнца и от ночного холода. У нее белая кожа и нежные, не приспособленные к работе руки. Он уже успел прикинуть в уме не один вариант, но тут Гырдо протянул ему свиток и сказал:

– Читай сам.

Тревожно было внутри, кольнуло предчувствие, но Тэмир виду не подал. Взял из руки друга свиток и стал читать.

«Великий Угэ-хан повелевает.

Победителя ялал той, сумевшего выиграть трофей, назначить десятником и включить в низший совет воинов. Отныне обладатель сего должен являться на каждый совет и говорить свое слово, когда к нему обратятся».

Он закончил читать и свернул свиток. А парни зашумели:

– Что там? Так нечестно! Читай вслух!

Ничего этого не хотелось, Тэмир молча сунул свиток Даве, остальные сгрудились вокруг. На какое-то время воцарилось молчание. Потом Есу сказал осторожно:

– Будешь на совете, не забудь там о нас, если что.

О нуждах простых воинов, до которых никому нет дела. Тэмир кивнул и медленно повернулся. Не нравилось ему все это, но место в совете могло дать относительную безопасность девушке.

Что происходит?

ЧТО?

Аля переводила взгляд с одного на другого и терялась в догадках. Она видела только, что вошедший бросил свиток на пол. А тут не надо быть семи пядей во лбу – так выражают презрение. К тому же она ни слова из того, что они говорили между собой, не понимала. Язык надо учить! Срочно!

Но вот парень, у которого она жила в шатре, стал поворачиваться к ней, и она как утопающий за соломинку – попыталась в его глазах увидеть ответ. Он подошел ближе, смотрел серьезно.

– Коркма, – проговорил.

Это она могла понять. Аля судорожно кивнула:

– Хорошо.

Он почему-то нахмурился и хотел сказать что-то еще, но в шатре опять появились гости.

Два посланных.

– Иди, будешь получать бляху и одежду. Хан жалует.

Тэмира перекосило, однако он кивнул, сцепив руки на груди. Хан жалует, и хан будет пристально следить за тем, как выражается благодарность. Показав на ходу парням на девушку, бросил сквозь зубы:

– Дава, Гырдо, присмотрите.

И вышел.

Примечание:

* Рубель – деревянная доска с вырубленными поперечными желобками для катания (стирки и глажки) белья, накатки кож.

глава 6

Как только хозяин покинул шатер, двое из его друзей сразу ушли не оборачиваясь. А из двоих оставшихся один подошел и, предварительно кивнув ей, забрал со стола пустые миски. Второй ждал его у входа, и они тоже вышли.

Полог опустился, отрезая ее от внешнего мира.

Аля внезапно осталась одна.

Это было жуткое чувство, в первый момент еще ничего, потом начала накатывать паника. Но она постаралась взять себя в руки. Трястись бессмысленно, вот если бы она могла как-то защитить себя...

Не успела она додумать, полог шатра снова колыхнулся, вошла та девушка, Цэцэг. Честно говоря, сначала Аля чуть не вросла в пол от неожиданности, но, увидев ее, немного расслабилась. На круглом симпатичном лице Цэцэг была улыбка, и Аля невольно улыбнулась в ответ. А когда толком разглядела, что у той было в руках, закрыла лицо рукой и покраснела.

Да, да, Цэцэг принесла ее личные удобства, сиречь тот самый глиняный горшок. Но та и не думала акцентировать на этом внимание или смущаться, видимо, это было в порядке вещей. Что-то такое быстро прошебетала и юркнула с ним за занавеску.

Аля встала и пошла за ней, неудобно было продолжать сидеть как мебель.

Занавеска отделяла от пространства шатра сегмент, и это теперь были как бы отдельные апартаменты. Она же к нему вроде как с подселением. И вот тут Цэцэг развила бурную деятельность.

Горшок отправился в уголок, самую широкую часть этого сегмента они вдвоем расчистили. Там лежали какие-то вещи хозяина шатра. Аля ни за что не стала бы к ним прикасаться, но Цэцэг все это собрала и решительно вынесла. А потом она сделала то, от чего Аля вообще пришла в ужас. Располовинила постель хозяина, выбрала лучшие шкуры и самые новые на вид куски войлока и утащила за занавеску. К ней.

Еще и внимательно осмотрела плетеные столики, которых в шатре было три, выбрала самый лучший и тоже унесла за занавеску. Аля смотрела на это с легким испугом и даже попыталась сказать:

– Может, не надо?

Но та только замахала руками на нее. Потом Цэцэг еще дважды куда-то бегала, принесла полотнище ткани и мелкую посуду. Застелили постель, посудинки поставили на плетеный столик, и вот уже Алины апартаменты стали приобретать жилой вид. После этого очередь дошла до одежды.

Тот богато расшитый красный халат. Аля видела, как Цэцэг с восторгом его касается, и протянула его ей:

– Возьми.

Но та испуганно вытаращилась, затрясла головой.

– Возьми! – повторила Аля.

Девушка улыбнулась, повела руками и сказала довольно длинную фразу:

– Ярамас (нельзя)*. Ханыйн бэлэг (ханский подарок)*. Ярамас. Э-э. Ярамас.

Из чего Аля поняла только, что почему-то нельзя.

– Ну, тогда – вот, возьми это.

Але в волосы вплели золотые цепочки с красными бусинами, она выплела их в первый же вечер, мешали.

Цэцэг потянулась посмотреть, что Аля держала в руке, поцокала языком и, покраснев от удовольствия, отцепила три красные бусины. Остальное вернула. Но тут же снова забрала, завернула в тряпочку, сунула под постель, между шкурами и войлоком, еще и ладошкой для

верности постучала. Невольно стало смешно. Вроде миры разные, а везде самое ценное прячут по-деревенски, под матрасом.

Потом девушка принесла еще какой-то травный напиток и лепешки. И они сидели вдвоем и учились произносить слова. Теперь Алин словарный запас пополнился еще некоторыми понятиями. Но время шло, в шатре стало темновато, наступал вечер. Цэцэг уже и масляные светильники зажгла.

И становилось все тревожнее.

Еще совсем недавно самым страшным в жизни было то, что она застучала Паишку с другой. Сейчас Аля об этом не помнила. И страшно ей было уже за своего спасителя. Потому что он ушел с теми двумя воинами. Видела же, что неохотно. У нее черт-те какие мысли лезли в голову, а она даже имени его не знала!

Наконец полог отдернулся, и на пороге появился он. В другой одежде, на нем был новый халат дымного оттенка и с черным галуном. Немного осунувшийся, потемневший лицом, серьезный. С порога взглянул на нее. Аля неосознанно подалась навстречу, тревога улеглась, а ее затопило облегчением.

Цэцэг, увидев, что хозяин вернулся, тут же спохватилась и, щебеча что-то, упорхнула, оставив их вдвоем. Было немного неудобно, но радость, что он вернулся, перекрывала все.

Ждала его. Тэмир по взгляду понял. Узел тревоги, сдавливавший горло, разжался, а в груди стало разливаться тепло.

За весь день он так и не смог вырваться и изводился, как там девушка. Хоть он и просил парней присмотреть, но мысли не давали покоя. Если Дер-Чи вздумает явиться с отрядом, что смогут против отряда парни? Разве что успеют предупредить его.

День был тяжелый. Тэмир не показывал внешне, но был в напряжении, постоянно ожидая подвоха. И все это время прислушивался, не бежит ли за ним кто. А уйти не мог.

Он должен был принять ханский подарок. Ведь это не то, что взять в бою трофей, это МИЛОСТЬ! Будь оно неладно все. И мелкий войсковой чиновник, к которому он прежде выстоял очередь, чтобы передать свиток и получить бляху десятника, дал ему в полной мере ощутить собственное ничтожество. Тэмир привык ко многому, его оскорбляли и ненавидели.

И если бы не девушка, оставшаяся в шатре, он не стал бы терпеть. Но. Если бы не девушка, он не получил бы этой возможности. Место в нижнем совете, конечно, было ему брошено в насмешку. Неизвестно, чего добивался Угэ-хан, вероятно, просто хотел сделать так, чтобы Дер-Чи, для которого он как кость в горле, на дерьмо изошелся.

Неважно. Тэмир пока не знал, что из этого выйдет, но дело сделано. Теперь надо постараться извлечь из этого пользу. И все же день прошел тяжело. Эта новая одежда казалась чужеродной, давила на плечи, постоянно хотелось ее сбросить. К тому же к вечеру занял бок. А сейчас он увидел ее – и все.

Однако надо было переодеться и принести еду.

Ведь только была безумно рада, до эйфории. А вот он прошел вглубь, такой серьезный. И Аля занервничала – вдруг он рассердится, что они располовинили его постель? Но он только взглянул мельком и не сказал ничего, отвернулся, словно не заметил. И стал снимать с себя верхнюю одежду и сапоги.

Остался в одних штанах. Хорошо еще, что мужчина отвернулся, потому что она глаз не могла отвести, смотрела на его развитую рельефную спину, сходящуюся к талии треугольником, и отчаянно краснела. А потом он вышел.

Ужасно глупо, но Аля снова почувствовала себя одиноко. Она даже привстала и шею вытянула, прислушиваясь к голосам, доносившимся снаружи. Вроде бы он был здесь, никуда не ушел, стало спокойнее. Но теперь беспокоило другое. Наверное, ей надо перебраться за занавеску? Однако Аля медлила, а когда он появился с двумя мисками на пороге, прятаться за занавеску было уже поздно.

Они снова ужинали вместе. Это было ужасно интимно. Аля все время невольно задерживала дыхание, оттого что он сидел рядом. И она наконец узнала его имя. Его зовут Тэмир.

Алия. Девушка-дракон. Потом, когда ужин закончился, она ушла за свою занавеску. Тэмир смотрел на нее, а после устроился на постели и лежал, прислушиваясь к малейшим шорохам. Казалось, он слышит ее дыхание. Ему виделось тонкое девичье тело, светящееся в темноте. Интересно, она спит голая?

Наконец он заставил себя закрыть глаза и попытался уснуть.

Никогда не думал, что ночь может стать таким испытанием.

Совсем иначе провел этот вечер Дер-Чи.

Почти весь прошедший день хан продержал его рядом с собой. Ему только дали немного спустить пар и проветрить голову, а потом старый Угэ снова отправил людей за старшим сыном. И Дер-Чи пришлось высиживать рядом с отцом, пока тот, не спеша, вразвалочку, вел беседы и наставлял младших сыновей. И все это время вел себя, как будто его здесь нет, рассказывал притчи, посмеивался. Дер-Чи беленился изнутри, но молчал.

Молчал, понимая, что сам дал повод. И теперь отец будет издеваться и жалить его намеками бесконечно. Пока он не проглотит это или не отыграет все обратно. Оскорбление, которое тебе нанесли у всех на глазах, проглотить невозможно. Его можно только превзойти, залив все кровью врага. Но если враг простой воин, кому и что доказывать?

Голодранец, сумевший сбросить его с коня и увести трофей, не достоин того, чтобы он, будущий хан, вообще смотрел в его сторону. Он мог просто дать приказ, и его люди вырезали бы и сровняли с землей там все. А трофей был бы в его постели уже сегодня. Дер-Чи закрыл глаза. Он видел девушку с длинными светлыми волосами и невольно сглатывал, представляя, как накроет ладонью пунцовые губы и войдет в ее тело. Сразу, одним толчком.

– Принесите господину вина, а то его что-то клонит в сон, – насмешливый голос раздался рядом.

Дер-Чи резко открыл глаза.

О чем бы ни говорили в ханском шатре до того, сейчас воцарилась тишина. Все затаились, а великий Угэ-хан смотрел на него с издевкой. Один Забу-Дэ не спеша, с сопением, попивал травный отвар из широкой чаши, как будто его ничего не касалось.

Шакалы.

– Благодарю, мой хан, – сказал Дер-Чи, сцепляя руки на груди. – Вино отлично прочищает голову.

Хан кивнул с усмешкой, однако на дне его глаз таилось легкое разочарование. Рассчитывал, что он опять вспылит и будет смешить всех? Нет, унижений с него на сегодня было достаточно. Он и так проглотил то, что отец взял под свою руку его врага.

Принесли вино в чарке. Дер-Чи с поклоном принял и отпил глоток.

В тот момент был так зол и сосредоточен, что мозги действительно прочистились. И теперь он ясно видел, что так дело не пойдет – вечно сидеть и выслушивать старика. Ему нужен хороший повод показать себя и перетянуть на свою сторону войско.

У кого войско, у того и власть. А что нужно войску? Горячая кровь врага. Добыча. Много новых женщин. Ничего этого уже давно не было, они слишком застоялись. Нужна хорошая стычка, а еще лучше – новая война. Победа. А в войне всякое бывает. Старый хан может устать и отправиться на покой к предкам, Дер-Чи давно готов занять его место. А голодранец просто сдохнет, как собака. Дер-Чи мрачно усмехнулся в душе и отставил в сторону опустевшую чарку. Это был хороший план.

А нудный день у хана продолжался. Отец словно чувствовал его настроение, следил за ним пристально, но Дер-Чи больше повода не дал. Потом пришлось еще высидеть за столом, есть и пить. И улыбаться.

Пока наконец хан не соизволил отпустить его спать.

Его опять сопроводили до шатра отцовские прихвостни. Почет? Нет, на самом деле, Угэ хотел убедиться, что он не полезет опять в шатер голодранца? Дер-Чи и не собирался. Трофей он возьмет так или иначе. Но позже.

Сейчас Дер-Чи собирался привести в исполнение свой план.

Он выждал время. Когда его прошло достаточно, чтобы все убедились, что он заснул, Дер-Чи оделся в простую одежду, надвинул на самые брови малахай и тенью выскользнул в ночь. Две полные, желтые с красноватым отливом луны светили в небе, и между ними звезда. Будет удача. Он взял коня и тихо выбрался за пределы становища, а там погнал быстро, и очень скоро его след исчез в степи.

Велика власть Угэ-хана, велики его земли. Но не бесконечны. И у него тоже были враги, с которыми Угэ сейчас заключил перемирие.

Становище соседнего племени было не так далеко. Дер-Чи добрался до сопредельной территории, убедился, что рядом нет своих, а потом натянул лук и пустил стрелу с прикрепленным к ней маленьким свитком далеко на землю соседей. С той стороны метнулись тени, он разглядел трех всадников. Патруль. Убедился, что его послание нашли, и тут же ускакал.

Теперь у него уже было другое дело, а все, кого он после этого встретил, знали, что Дер-Чи ночью ходил проверять посты.

Тэмир в ту ночь тоже обходил посты, только в другом месте и по другой причине. Он попросту не доверял ханскому сынку, а самому хану еще меньше. Милости Угэ могли так же скоро обратиться смертельной удавкой, об этом знали все. И если хан внезапно начал к кому-то проявлять благосклонность, только слабоумный мог бы считать себя в безопасности.

И опять же, будь Тэмир один, он бы не беспокоился. Девушка.

Девушка будоражила его мысли и не давала спать. В конце концов он встал, надел свой привычный панцирь и пошел проверить посты. Теперь Тэмир был десятником, и если в своих парнях он не сомневался, то к новым воинам, перешедшим под его начало, следовало присмотреться. Потому что предательство или трусость одного или двух из десятка могло бы стоить жизни остальным.

У его шатра дежурил Есу. Тэмир вышел и присел у костра. Есу взглянул на него, потом покосился в сторону шатра и спросил:

– Не спится, онунчи*? (десятник)

В его словах слышалась беззлая подначка, но Тэмир предпочел не заметить, поворошил угли и проговорил:

- Из людей Дер-Чи кого-нибудь видел?
- Тц, – цыкнул тот. – Никто рядом не шлся.
- Хорошо, – Тэмир поднялся и пошел в темноту.

Приближалось время смены постов. Сам он, если бы планировал нападение, именно этот час бы и выбрал. Тот, кто на посту, уже устал, торопится смениться и смотрит все чаще уже не в ту сторону, откуда может возникнуть опасность, а туда, откуда его придут сменить. Воин из новых стоял на посту и бдел четко. Тэмир спросил скорее дежурно, не видел ли он чего, а тот неожиданно сказал:

- Видел. Кто-то некоторое время назад в степь ускакал.
- Ночью, в степь?
- Кто, не разглядел?
- Его – нет. А вот скакун, похоже, был Дер-Чи.

Тэмир невольно замер, почувствовав странное. Как будто по коже пронесся ветер, хотя ночь была тихая. Потом повернулся к воину и сказал:

- Об этом пока молчи. Завтра будет ясно.

Если воры умыкнули коня, это быстро выяснится, а если тут что-то другое, то это тоже выяснится. Поздно или рано. Потом он вернулся к шатру, проверил буланого и только после этого вошел внутрь.

А внутри...

Странный жар. Достаточно просто знать, что она за занавеской спит, и все, никакого покоя. Проверить тянет. Он снял панцирь и некоторое время ходил по шатру, тихо, стараясь не разбудить. Потом взглянул на свою постель и понял, что бессмысленно, там он все равно спать не сможет.

Два края было у занавески, один плотно примыкал к стенке шатра, у другого оставалась узкая щель. Он пристроил копьё у дальнего конца, если занавеска колыхнется, копьё упадет и шум разбудит его. А сам устроился, прислонившись к стенке шатра с той стороны, где просвет был пошире.

- Теперь можно было немного расслабиться, мимо него не пройдут.
- Так сидя и уснул.

глава 7

Во сне Тэмир видел пожар. Становище горело, метались люди, кричали, мимо пронеслись вооруженные всадники. Это возвращало его в детство, в тот роковой день, когда он потерял всю свою семью. И это было страшно.

Но еще страшней было то, что не мог ее найти, девушку, посланную судьбой. Тэмир рвался сквозь огонь, обшаривал один за другим горящие шатры. Звал ее...

Проснулся внезапно от какого-то шума и движения рядом, еще не понял, что случилось, сознание как будто частично оставалось в том сне, но отреагировал мгновенно. И застыл, потому что она вскрикнула.

Девушка стояла против него, испуганно округлив глаза, а он держал ее за руку. Тэмир наконец понял, что произошло. Он не хотел пугать ее.

– Аффет* (прости), – буркнул, отводя глаза.

Поднялся и быстро пошел прочь из шатра.

Вышел, а на дворе уже утро. Вот это он поспал! Дава дежурил снаружи, глянул на него, и по его круглому лицу расплзлась ехидная улыбка.

– Эй, чего вылетел как на пожар? Оса под хвост ужалила?

Он только мотнул головой. Отошел недалеко, потом сразу вернулся.

– Что было, пока я спал?

– Ничего, – пожал плечами Дава.

– А что там с тем, кто ночью в степь выезжал? Не слышно?

– Почему не слышно, – брови парня шевельнулись. – Дер-Чи ночью посты объезжал.

– Вот как, – Тэмир прижал подбородок к груди, была у него такая привычка, когда что-то казалось непонятным или вызывало сомнения. – И ездил в сторону становища даулетов?

– Не знаю, ханскому сыну виднее, в какой стороне проверять посты.

Тэмир кивнул. Действительно, ханскому сыну никто не указ. Встал и хотел идти в шатер.

– Эй, подожди! – окликнул его Дава и вытащил небольшой котелок, укутанный в тряпки. – Вот, специально для вас спрятал, чтобы не остыло.

Как Але было неудобно, что она подняла вопли.

Но просто от неожиданности. Когда отодвинула занавеску и увидела, что Тэмир спит прямо так, сидя на полу у стены, ойкнула. А он проснулся и...

Ей казалось, она его обидела.

Ведь не трудно было догадаться, что он ее ночью охранял. Так глупо вышло, она себе просто места не находила. Когда он наконец вернулся с двумя мисками каши, она готова была бежать навстречу, но не решилась. Подошла осторожно и проговорила:

– Ты извини, я не специально. Ты не подумай, правда...

Он смотрел на нее, что-то такое было в серых глазах, ей казалось – не понимает. А он неожиданно кивнул и показал в сторону плетеного столика:

– Суах* (садись), Алия.

У нее сразу отлегло от сердца. Уселась, пождав под себя ноги, вздохнула полной грудью и улыбнулась. И тут же покраснела, потому что мужчина застыл, глядя на нее.

У нее светлые серые глаза с темной каемкой по краю и голубые белки. У здешних девушек белки глаз желтоватые, черные волосы и кожа такого оттенка, как кость, у них корич-

неватые губы и десны. Тэмир имел женицин, видел. А у нее белая кожа, и губы от природы яркие, как дикие ягоды на снегу, волосы – золотой ковыль...

Одна прядка упала на щеку, он хотел поправить.

Неожиданно полог шатра колыхнулся, на пороге возник посланник.

– Великий Угэ-хан собирает совет, тебе надлежит явиться.

Выплюнул это и уставился на него с неприязнью. Тэмир сцепил руки на груди и проговорил:

– Я услышал.

Тот брезгливо скривил рот и убрался. Плевать было Тэмиру на его презрение. Но момент был испорчен. Тэмир шумно выдохнул, в считанные секунды уничтожил кашу в своей миске и встал. Надел ханский халат, бляху десятника, подумал и прицепил к поясу меч. Еще нож в голенище. Надел малахай.

Обернулся к девушке, а у нее глаза огромные, тревожные. Тэмир не хотел, чтобы она боялась, но сейчас он должен уйти. Сказал:

– Коркма* (не бойся), хурдан келим* (я скоро вернусь).

И вышел.

Почти сразу появилась Цэцэг, принесла травный отвар, лепешек и запах лета. Здесь оно тоже есть. Не такое, как дома. Сухое, пыльное, но цветущие травы и солнце...

Цэцэг говорила с ней, они дальше продолжали понемногу учить язык. Потом девушка убежала, обещала попозже зайти. Понятно, у нее ведь дела. Это Аля могла целыми дня сидеть у Тэмира в шатре и ждать его возвращения.

Потому что без него Але сразу становилось не по себе. Когда он уходил куда-то, не хотелось его отпускать. Казалось, ему грозит опасность. Все эти страшные люди с жестокими лицами, для которых ничего не стоит чужая жизнь. Насмотрелась она на них еще тогда, в первый день. До сих пор стоял в глазах кровавый поединок и как толпа орала: «Цом! Цом!». Трофей, добыча.

Тэмир ведь один из них, такой же. Не дура все-таки, Аля понимала, что раз она – трофей и живет в его шатре, значит, по местным законам она принадлежит ему со всеми потрохами. Но. Но.

Он защищал ее, заботился. И он не тронул ее и пальцем.

Аля не знала, что творится за пределами этого шатра, из которого страшно было даже нос высунуть. Могла иметь только смутное представление. Ясно одно – между ней и этим опасным миром только Тэмир. Если бы не он, неизвестно, что бы с ней было. Она нервно вздрогнула, вспомнив того страшного мужчину. И тех других. Смотревших на нее, как на кусок мяса.

А Тэмир... Пока что она своим присутствием создает ему одни проблемы.

Вот и надо перестать быть амебой и начать делать хоть что-то полезное. Хотя бы порядок тут навести.

Холостяцкий шатер одинокого воина был пустоват, и в принципе тут и так все содержалось в относительном порядке. Но Аля нашла себе работу. Сложить аккуратно, почистить, рассортировать, красиво уложить.

Когда-то давно, в другой жизни, когда она была студенткой и училась на ландшафтного дизайнера, Аля планировала свою жизнь. Конечно, думала, что у них с Пашей будет квартира. Сначала, наверное, однокомнатная, или даже студия, больше бы они в ипотеку не потянули. Потом, может, сменили бы на двушку... Каким это все казалось ей безумно далеким и пресным. Пустым.

Словно только здесь началась ее настоящая жизнь.

«Боишься – не делай, делаешь – не бойся, а сделал – не сожалей».

Сожалела ли она теперь? Нет. То, что открывалось впереди, пугало, но было интересно.

Вроде ничего особенного у Тэмира в его холостяцком жилище не было. Совсем немного одежды, обувь старая, шкуры, куски войлока, полотнища ткани. Было оружие, доспехи, седла, кое-какая утварь, инструменты. Все она более или менее упорядочила, старалась сделать, чтобы было красивее. Оставалась его постель, Аля смотрела на нее и не решалась коснуться.

И не заметила, что уже не одна в шатре.

Тэмиру еще вчера ночью показалось странным, зачем это Дер-Чи было ехать проверять посты именно в той стороне, где начинались земли даулетов. Угэ-хан с даулетами враждовал, но сейчас у них было заключено перемирие. И уже довольно долгое время на границе племен было тихо. Даулеты перемирие не нарушали.

Вызов на совет тоже показался странным. Не так уж часто великий Угэ-хан созывал общий совет, на котором присутствовали и воины из низших. Обычно ему своего ближайшего окружения хватало. А чаще всего хан обсуждал свои дела только со старым Забу-Дэ. Справедливо считая, что чем меньше людей знает о его планах, тем лучше.

И тут Тэмир был согласен с ханом. Ибо в сыновьях Угэ, рожденных от разных жен, не наблюдалось единства. Да, старший сын, его первенец Дер-Чи, пользовался особым расположением отца, но наследником так пока объявлен не был. Это подогревало различные интересы в остальных его сыновьях, потому что всегда оставался шанс, что еще решится в их пользу. Зыбко было это положение, со стороны Тэмиру виделось в этом нечто темное, подколенное. Но хан пока что держал своих сыновей в узде.

Перед началом совета пришлось, конечно, выстоять у большого шатра собрания. Низших согнали заранее и выстроили снаружи ждать. Тэмир пытался обдумывать ситуацию, а мысли все время возвращались к девушке. Так в беспокойстве прошло почти два часа, потом наконец появился хан, а с ним Дер-Чи и остальные сыновья.

Хан вошел в шатер, разместился, совет начался.

Низшим положено было стоять у входа и помалкивать. Говорить только в случае, если хан спросит. Но такого, чтобы хан интересовался мнением простого воина, просто не бывало. Поэтому Тэмир приготовился слушать и ждать окончания.

А говорил Дер-Чи.

И да, неспроста ханский сын ночью ходил в степь.

– На рубежах беспокойно, – Дер-Чи оглядел сидевших в кругу советников, братьев вниманием почти не достаивал. – Даулеты стягивают силы, чтобы ударить. Мы должны напасть на них и ударить первыми!

Дер-Чи умел убеждать, умел выбрать нужный тон. Он был силен как медведь и свиреп в бою как россомаха. И он был ханский сын. Старший. Очень многие боялись поднять на него глаза, не то что слово поперек молвить.

Можно было предположить, зачем все это. Понятно, что ханскому сыну нужна война. Но даулеты до последнего времени точно сил у границы не собирали. И потому заявления Дер-Чи казались притянутыми за уши. Однако многие в совете кивали. Это просто объяснялось – война сулит добычу.

Хан слушал своего сына, потом опросил парочку приближенных, те говорили с оглядкой, обтекаемо, но жажда наживы в их словах сквозила. Неожиданно хан взглянул прямо на Тэмира и спросил:

– А что скажешь ты?

В первый момент Тэмир не поверил, решил, что хан к кому-то другому обращается.

– Да, да, ты, десятник, – скрипуче усмехнулся Угэ-хан. – Или от радости языка лишился?

Тэмир сцепил на груди руки и поклонился:

– Мой хан.

– Что скажешь? – повторил хан и искоса взглянул на своего старшего сына.

Дер-Чи в тот момент застыл, словно камень. Даже со спины было видно, что он в бешенстве.

– Великий хан, – начал Тэмир. – До вчерашней ночи граница с даулетами была спокойна. Там появлялись только дежурные патрули. Но прежде чем напасть, нам следует все разведать и рассчитать силы. Даулеты год назад были достаточно сильны, сейчас за год покоя они могли еще больше усилить свое войско.

– Пхе! Ты посмотри, какой умный у меня десятник! – засмеялся хан и снова с издевкой взглянул на своего старшего сына. – Такую умную голову надо беречь, чтобы с нее не упал ни один волос.

Дер-Чи медленно обернулся, взгляд его говорил: ты – покойник.

Вскоре совет окончился. Зачем Угэ-хан провоцирует старшего сына, Тэмир не знал. Но то, что ему отведена роль раздражителя, ясно. И до тех пор, пока хану нужно, так оно и будет. Тэмир ничего не забыл, и к тому, что все висит на волоске, он привык. Но сейчас он был не один.

Направляясь в шатер, Тэмир думал о девушке. Он отсутствовал долго, мало ли что за это время могло произойти. Заглядывал осторожно, тихо приподнял полог.

Она стояла у его постели. Смотрела, словно не могла решить.

Тэмир сам не заметил, как оказался внутри.

глава 8

Даже не звук выдал, не движение воздуха, а просто ощущение присутствия. И собственная реакция. Аля оглянулась...

Тэмир.

Вернулся! Наконец-то! Сердце заколотилось от радости, и она уставилась на него, забыв, что делала. А он стоял у входа в том дымчатом ханском халате и в малахае и смотрел на нее. Лицо немного усталое, сосредоточенный взгляд, серые глаза казалось, светились изнутри. Красивый. Аля невольно залипла и загляделась.

Потом поняла, куда он смотрит.

Он же на постель свою смотрит, а она... Чееерт...

Сердце тут же ухнуло в пятки, она смутилась и отвела глаза, а потом и вовсе хотела отойти. Но он слишком быстро, как-то вдруг в один момент оказался рядом. Такой высокий, широкоплечий и сильный, она ему едва доставала до перекрестья ключиц.

Взял ее за плечи и замер, глядя сверху вниз.

Он видел, как девушка смотрела на него. Видел, что она стоит у *его* постели. Когда понял, дыхание зашлось. Значит, она хотела этого, думала об этом?

Его мгновенно обожгло. А она еще стала отворачиваться.

Нет! Он не хотел ее пугать. Тэмир хотел, что бы она пришла к нему сама, по своей воле. Девушка – дракон. Он чувствовал сейчас ее тонкое хрупкое тело сквозь одежду. А она замерла, притаилась. Молчала и не шевелилась в его руках.

Бойтся или ждет?

Мучительно! Ему видно было только ее золотистую макушку, и постепенно тонкий сладкий аромат ее волос просачивался в легкие, мутил сознание.

«Посмотри на меня!» – кричала душа.

«Посмотри!»

«Скажи, ты хочешь?»

Они так и стояли рядом, а его руки на плечах ощущались как тиски, но не сдавливали, а делали ее легкой. Как будто она сейчас взлетит или растает. Глупо, но она не могла заставить себя вырваться и отойти. Он бы отпустил, Аля знала.

Вместо этого она затихла и смотрела в центр его груди. И так странно, ведь тут антисанитария, они же не моются. Но от Тэмира пахло приятно, нагретым на солнце камнем пахло и немного дымом. Она дышала тихонько, стараясь, чтобы он не заметил. И весь этот момент, он длился и длился, и ее затягивало.

И тут он едва слышно позвал:

– Алия.

А ее прошило молнией. Вскинула на него взгляд, мужчина подался вперед и чуть сильнее сжвп ее плечи. Он, кажется, хотел что-то сказать... Но тут внезапно снаружи раздались шаги, послышался шум. Там явно что-то происходило.

Тэмир среагировал мгновенно, толкнул ее в сторону занавески, а сам шагнул ко входу.

Сейчас он был напряжен, как перед прыжком и просчитывал шансы.

Кто, сколько? Люди Дер-Чи? Это не было бы неожиданностью. Ханский сын и без того смотрел на него голодным волком, а после сегодняшнего совета. Тэмир не стал бы удивляться. Он только прикидывал мысленно, как будет пробиваться, если что.

Девушка за занавеской. Он понимал, что это мало поможет, но мысленно просил, чтобы та затаилась и звука не издавала. Наконец топот большого количества ног и бряцание оружия раздались уже у самого входа в шатер. А время как будто замерло и звуки пропали.

Тэмир видел, как медленно поднимается и отлетает в сторону полог его шатра...

И вдруг все вернулось, а Тэмир замер ошарашенно.

Сначала в проеме возникли двое их ближайшей ханской охраны, а потом на пороге его шатра появился сам Угэ-хан. Собственной персоной. Огляделся и, высоко поднимая ногу, шагнул внутрь. А за ним вошел старый темник* Забу-Дэ.

Это казалось настолько невероятным, что Тэмир замешкался. Ненадолго, но этого хватило, чтобы ханские псы рывкнули:

– Как встречаешь великого хана, пес?!

Тэмир тут же склонил голову и сцепил руки на груди.

– Мой хан.

Он ничего не забыл из того страшного дня, ни единого мгновения. И он знал, что когда-нибудь он убьет старого шакала, вырезавшего всю его семью. Но не сейчас. Сейчас Тэмир должен был думать о том, как выжить и защитить девушку.

А Угэ-хан повертел головой, нарочито внимательно рассматривая убранство шатра, и проскрипел:

– Вот, решил посмотреть, как живет самый умный десятник моего войска.

Тэмир молчал, не зная, что сказать. Повисла гробовая тишина. Воздух как будто стал сгущаться, повеяло опасностью.

– Благодарю, мой хан, – проговорил Тэмир.

И поклонился, чтобы скрыть выражение глаз.

Хан продолжал какую-то свою игру. Его псы замерли, глядя перед собой, а по виду Забу-Дэ вообще ничего нельзя было понять. Старый темник, под рукой которого была ханская гвардия, (сильнейшие воины, лучшие из лучших, переламывавшие хребет любой армии), мог с одинаковым лицом резать головы и есть сладкий плов.

Казалось бы, что можно высмотреть в шатре простого воина? Однако Угэ-хан продолжал вертеть головой и демонстративно оглядываться. И как будто только сейчас заметил, остановился взглядом на занавесе, за которым была Алия.

В тот момент Тэмир просто окаменел, изготавившись драться. Но хан неожиданно перевел взгляд на его постель. Потом снова на занавес. И вдруг спросил:

– А как тебе трофей? Понравился?

В какой-то момент Тэмир похолодел, потому что за этим чувствовалось что-то тайное, как будто липкие щупальца в душу полезли. Но вида он не подал. Увидят, набросятся как стая шакалов. Потому он склонил голову еще ниже и сказал:

– Мой хан, твоя милость ко мне бесконечна. Трофей не мог не понравиться.

– Хе-хе, – противно усмехнулся Угэ. – Тогда почему ты спишь отдельно?

Это уже был предел, за которым терпеть становилось невозможно.

– Мой хан... – начал Тэмир.

– Айте**, – проворчал Забу-Дэ. – Может, он храпит или громко пускает во сне ветры? Разве нам обязательно это знать?

Послышался сдавленный смех, однако напряжение, достигшее было пика, сошло. Хан сказал, усмехаясь:

– Ты прав. Айте.

И повернулся к выходу, но прежде чем уйти, бросил через плечо:
– Помни мою доброту. И заведи немного добра, мой трофей не должен жить в такой нищете.

Когда Дер-Чи донесли, что хан был у змееныша в шатре, он был в ярости. И еле дождался ночи, а потом опять ускакал в степь.

Как только ушел Угэ-хан и вслед за ним его прихвостни покинули шатер, Тэмир тут же снял малахай и сдернул с себя ханский подарок. Халат душил его! Но еще больше его сейчас душила злость.

Он ведь отдавал себе отчет в том, что хан мог забрать девушку в любой момент, если бы захотел. Достаточно было только пальцем шевельнуть. А Тэмир не смог бы сделать ничего. Он один, а у хана людей слишком много. Скольких он унес бы с собой туда, откуда не возвращаются? Десять, двадцать воинов? А потом?

От осознания собственной беспомощности становилось тошно. Значит, молчать и терпеть и кланяться хану. И только. Пока он не обретет достаточную силу, чтобы мог сразиться с ханом на равных. Как? Тэмир пока не знал. Но если выхода другого нет, он должен изыскать средства.

Девушка...

«В твою жизнь придет женщина-дракон. И твоя жизнь изменится».

Воистину. Тэмир тряхнул головой, отгоняя невольную дрожь. Посмотрел на свою руку, сжимая пальцы в кулак еще и еще. Потом вышел из шатра. Надо было накормить девушку и самому поесть.

Когда раздался этот устрашающий шум, Аля сначала бездумно нырнула за занавеску и затаилась там. Она узнала голоса. И голос того противного властного старика – хана.

Он что-то такое спрашивал... Цом. Трофей. И наседали на Тэмира.

А тот отвечал, и Але слышалось в его голосе напряжение.

Но ей же непонятно было, о чем они говорят, а когда непонятно, всегда кажется, что говорят о тебе! В какой-то момент стало очень страшно, что этот жестокий старик заберет ее, и тогда... Она сжалась в комочек и шептала про себя: «Нет, нет. Нет!». А потом наступила тишина.

Не сразу, но Аля все же выглянула из-за занавески. В шатре было пусто. Она похолодела. Неужели Тэмира увели люди хана?

Но вот он появился на пороге с двумя мисками, и у нее отлегло от сердца. А переволновалась так, что даже руки тряслись. Он тоже казался серьезным и усталым, упрямая складка залегла между бровей. Взглянул на нее странно и прошел вглубь шатра. Аля не стала дожидаться, когда он позовет, подошла сама, коснулась его руки и тихонько спросила:

– Все плохо, да? У тебя из-за меня неприятности?

Он обернулся резко. Смотрел на нее, и его светящиеся серые глаза стремительно чернели. Ей трудно было выдержать взгляд, уже и пожалела, что подошла.

– Прости, – пробормотала, опуская голову, и хотела отойти.

Он не дал, перехватил ее. Сжал за руку повыше локтя. Пальцы, как стальной капкан, но держал нежно.

– Алия.

– Что? – нервно сглотнула она.

Чего только Тэмир не передумал за это короткое время. И, может быть, даже лучше было сразу взять девушку, сделать своей, чтобы не допекал хан. Эти мысли прожигали его изнутри. Но брать ее насильно, принуждать? Нет.

Секунду, наверное, он молчал, глядя на нее, потом так же резко отпустил и сказал уже другим тоном:

– Садись и ешь.

Она почувствовала себя дурой, как будто не поняла важного чего-то.

В этот раз он опять устроился на ночь у края ее занавеса. Аля некоторое время смотрела на него в щелку, потом он вдруг повернул голову и, как будто знал, что она там, взглянул ей в глаза. Она тут же спряталась. Покраснела, потому что это было очень глупо – спалиться на подглядывании. Улеглась на свою постель и зажмурилась.

А сна ни в одном глазу.

Через некоторое время она услышала, как Тэмир тихо встал и вышел из шатра. Сразу стало одиноко и пусто, она даже на месте подскочила и выглянула за занавеску. Но вскоре он вернулся. Устроился опять на полу, полусидя у стены. Ей было видно его плечо.

Черт... Ну не спится же.

В конце концов она встала и выглянула. Он сразу же вскинул голову.

– Так нельзя! Ты же не спишь уже которую ночь нормально!

Она попыталась объяснить, волновалась, даже вылезла из своего убежища и встала перед ним. А Тэмир смотрел на нее и хмурился. Не понимает, подумала Аля, и как же ему объяснить?! Сказала, уже отчаявшись:

– Ложись спать, Тэмир, пожалуйста, – и показала на его постель.

А он неожиданно резко качнул головой, а потом взял ее руку и соединил со своей.

– Бергэ*.

И она вдруг поняла. Вместе.

Покраснела отчаянно. Кивнула. Хорошо, вместе так вместе, если это нужно для того, чтобы он нормально спал, она согласна. Хотела пойти и туда лечь, но тут он снова покачал головой и знаком велел ей идти за занавеску.

Она заморгала, не понимая. Обидно стало. Особенно когда он рывком встал и вышел. Вот глупость какая. Ушла и закрылась поплотнее, чтобы даже щелочки не осталось нигде. Уселась на постели и отвернулась еще.

Тэмир вышел, потому что надо было сделать две вещи.

Повесить снаружи над пологом в шатер нагайку. Знак, чтобы не беспокоили и не входили кто ни попадя. И мысли привести в порядок.

Он просто ляжет рядом с ней, говорил он себе.

Просто ляжет рядом.

Она все сидела на постели и смотрела в стену. И вдруг шелест ткани за спиной. Аля повернулась – в проеме стоял Тэмир и смотрел на нее.

Воздух как будто застрял в легких. Ее на миг накрыло ступором, смотрела на него и понимала, что двинуться не может. Потому что сейчас этот мужчина был похож на крупного хищника. На тигра или даже дракона.

А она в клетке, в его логове.

Его подсвечивало со спины, и от этого силуэт казался темным. Серые глаза горели в полутьме странным огнем, а во всей его высокой и мощной фигуре чувствовалось напряжение. Он стоял на пороге и не входил. Как будто ждал чего-то или давал ей время привыкнуть.

Тэмир ждал. Давал ей выбор.
«Посмотри на меня», – говорил ей мысленно.
«Скажи, ты хочешь?»
«Дай мне понять».

Она молчала, глядя на него. Только пунцовые губы чуть подрагивали, а глаза настороженно блеснули. И под этой настороженностью на дне ее глаз пряталось что-то такое, от чего душа Тэмира замирала и тянулась к ней. Осторожно сделал первый шаг внутрь. Он уже знал, что не уйдет, но не спешил, чтобы не спугнуть.

Девушка не шелохнулась, только яркие пунцовые губы приоткрылись и дыхание сбилось.

В очередной раз повторив себе, что он только ляжет рядом, Тэмир не оборачиваясь задернул занавес. Светильник остался по ту сторону, а тут был только тот рассеянный свет, что пробивался сквозь ткань, и немного сверху. Стало темнее, сгустился полумрак.

Но даже в этом полумраке Тэмир заметил, как она нервно дернулась, вскидывая руку к губам. Сейчас были обострены все чувства. Казалось, он видел каждую ее черточку, а свежий аромат ее волос мгновенно забился в легкие.

Тэмир отвернулся. Стало немного легче. Отстегнул доспех, снял и положил на пол. Потом обувь. Вытащил нож из голенища, а сапоги сразу выставил наружу.

И тут девушка беззвучно ахнула и завозилась.

Отодвинулась от него к стене и там застыла. Мгновенно повисло напряжение, он его улавливал кожей. Тэмир шумно выдохнул, не оборачиваясь, положил пояс с ножнами от кинжала на плетеный столик возле постели, а нож засунул под шкуру. А потом заставил себя повернуться и взглянуть на нее.

Зря он это сделал.

Шумно выдохнул, лег с краю и закрыл глаза, чтобы не смотреть на девушку.

Если бы она знала! Если бы она думала раньше, каково это... А сейчас ее заливало краской от неловкости. Как же ей теперь лечь рядом с ним?

Но ведь она сама это затеяла, правда? Теперь глупо идти на попятный. Тихонько прилегла рядом, стараясь не шевелиться, и до самого носа натянула покрывало.

Тэмир так и остался лежать поверх. Его как будто не волновало ничего.

Мужчина лежал, закрыв глаза, и не шевелился, только грудная клетка тихо поднималась в такт дыханию. Спал?.. Ей спать было невозможно. Слишком интимно было это все! Ее просто затягивало в это непонятное состояние, как в воронку. Да что ж такое, подумала Аля, хотела повернуться, завозилась.

Он перехватил ее мгновенно.

Навис. Лицо вдруг оказалось так близко, а глаза совсем черные. Аля застыла от внезапного испуга, вжалась в постель, и он застыл, глядя на нее сверху. А время как будто остановилось.

– Коркма, – проговорил едва слышно. – Не бойся.

Очень медленно протянул руку и коснулся ее волос. Повел кончиками пальцев и стал шептать:

– Дуртай* (любимая). Охин*-луу* (девушка-дракон). Сайхан* (красавица). Дуртай сайхан. Курбан олем сана* (приношу себя в жертву за тебя).

Дер-Чи не зря этой ночью снова ездил в степь.

Вчера он со стрелой отправил вождю даулетов Меркулу послание и назначил встречу. На нейтральной территории, в степи на кургане у трех менгиров. Это место считалось священным, его избегали. Написал, что имеет дело, и в конце приписал:

«Если ты мужчина, приходи один».

И сейчас он его ждал в условленном месте. Меркул явился. Дер-Чи презрительно сплюнул – в отдалении маячило еще с десятков даулетов. Все верхом и вооружены. Но подъехал к нему Меркул один.

Поздоровались. Дер-Чи было что предложить. Время и место, когда можно будет напасть.

– И зачем это сыну хана? – поинтересовался даулет.

– Есть причины, – усмехнулся в усы Дер-Чи.

У него были свои планы, как использовать даулетов. Однако и Меркул понимал, что ханский сын не стал бы говорить с ним без причины.

– Где гарантия, что меня там не будет ждать Забу-Дэ? – усмехнулся даулет.

– Мое слово, – медленно и весомо проговорил Дер-Чи. – Слово будущего великого хана.

– Хम्म. – Даулет замолчал, мусоля пальцами усы.

Слово того, кто может стать великим ханом, не пустой звук. Дер-Чи еще добавил:

– Нападешь на ближний край становища. Там, где табуны. Шатры все можешь сжечь и вырезать, добычу возьмешь себе. Всю.

Дер-Чи сделал паузу, это был важный момент его личной выгоды, а обозначить свою выгоду – уже слабость. Но он все же продолжил:

– Там будет девушка. Светлые волосы. Девушку отдашь мне.

Даулет покосился на него, глаза блеснули при луне, и произнес:

– Я подумаю над твоими словами и дам знать.

– Думай. Только недолго. Я могу передумать и найти другого, кому это интересно, – бросил Дер-Чи и ускакал обратно.

Ему еще надо было обойти посты.

Когда возвращался, проехал мимо шатра змееныша. Увидел нагайку и едва сдержался, чтобы сейчас же всех там не зарубить.

Примечание:

* – Темник – воинское звание, военачальник, командовавший туменом – высшей организационно-тактической единицей войска численностью 10 тыс. воинов (Тьма). Подчинялся хану.

** – тоже, что и айда (пойдем, пошли) – обращение.

глава 9

Вторую ночь выезжал старший сын великого хана в степь, проверять посты. Оба раза внимательно следил, не увяжутся ли за ним соглядатаи отца или просто кто-то чересчур любопытный. Не вчерашний мальчишка, опытный воин, умел выжидать и знал все хитрости.

Дер-Чи был уверен, что слежки за ним не было.

Однако слежка была.

Уже давно за ним наблюдали по приказу Забу-Дэ. В том, что Дер-Чи спит и видит, как займет небесный трон, сомнений не было. Но сейчас к этому добавилось кое-что новое.

Встречу старшего ханского сына с вождем даулетов, старый темник наблюдал лично. Когда стало понятно, что те сговариваются, (а это уже вне всякого сомнения предательство – за спиной хана вести переговоры с врагом, хребет ломают за меньшее) один из воинов сопровождения выдвинулся было вперед, но Забу-Дэ остановил его. Ему важно было знать, как далеко способен зайти Дер-чи, и кто из остальных сыновей Угэ пойдет за ним.

– Не сейчас. Выждать, высмотреть. Меркула не трогать. Этих, – он показал на десятку даулетских всадников. – Брать и резать ремни из спин, пока не скажут все. Хану пока ни слова.

Два преданных молчаливых воина из личной тысячи его тумена* поклонились, сцепив руки на груди. Потом полководец развернул коня, а своим людям приказал:

– Господина сопроводить до шатра, чтобы с ним, не дай небо, ничего не случилось.

И ускакал.

Велика была власть Угэ-хана, практически безгранична. Выше только небо.

И все же истинная власть была сосредоточена не в ханских руках, а в руках Забу-Дэ. Однако старый темник никогда не посягал на власть и молчаливо поддерживал все начинания Угэ. А тот считал что держит в руке поводок от войска и владеет зверем. Опасное заблуждение.

Как если бы человеку вздумалось накинуть поводок на спящего дракона и думать, что он им владеет. Пока дракон спит, можно считать, что он покорен. Если же дракон вдруг проснется, руку, держащую поводок, он откусит первой. Но пока Забу-Дэ устраивало это положение, сохранялось равновесие.

На самом деле, ханский темник контролировал все. И если не вмешивался, значит, считал происходящее целесообразным в данный момент.

Например, Забу-Дэ не вмешался, когда Угэ, став ханом, вырезал всю семью Сохраба, своего ближайшего соратника, потому что считал это уместным. Чужак был слишком силен и честолюбив, мог захотеть большего. Не вмешался он и когда Угэ оставил в живых мальчонку. Это было ошибкой, но в тот момент никак не могло повлиять ни на что. Жизнь длинная, решил Забу-Дэ, сколько мальчишек не доживает до возраста воина?

А этот дожил. И когда Тэмир появился в ханском войске, Забу-Дэ его заметил. А бой за трофей привлек внимание старого темника.

Все дело было в приеме, которым Тэмир свалил Дер-Чи, Забу-Дэ видел его однажды в далекой молодости. Тогда два великих багатура дрались перед войском. Воин, применивший этот прием, убил соперника на месте, но и сам умер через несколько часов. А этот – ничего, даже ран серьезных не было.

Сумевший выжить уже дважды, там, где должен был умереть. Теперь узкие серебристые как у степного волка глаза старого темника наблюдали за жизнью «умного» ханского десятника особо. Потому что он ему был интересен.

Что же касается девушки...

Слишком многое тут казалось странным.

Место, где ее нашли, одежда. Чужеземный говор.

И никто не задался вопросом, как могла попасть туда девушка со светлыми волосами и белой кожей? Такими не наводнена степь. Белокожих рабынь привозят из далеких стран, они очень редки и стоят столько, что вооружить на эти деньги можно не одну сотню воинов. Однако рядом не было ни работарговцев, ни купцов. Она как будто свалилась с неба.

Однако старый Угэ и не утруждал себя мыслями на этот счет. Просто нашли красивую рабыню рядом со становищем, доложили ему, потому что все лучшее должно принадлежать хану. А он увидел в рабыне ценный товар и решил использовать этот товар по-своему. И тут Забу-Дэ был с ханом согласен. Видишь, как можно использовать что-то принадлежащее тебе для достижения своей цели, сделай это.

Несогласен он был только со способом использования.

Старость это ведь не только немощь, это еще и опыт. Конечно, до немощи Забу-Дэ было далеко, но он давно уже понял, что женщина опасна, а красивая женщина опасна вдвойне. Но в головах молодых мужчин жажда обладания перекрывает все. Он видел, как Угэ с помощью этой рабыни держит старшего сына на коротком поводке. Или думает, что держит.

Глядя на это все Забу-Дэ предвидел большие перемены.

Впервые они проснулись вместе в этом маленьком мирке за занавеской.

Аля спокойно проспала всю ночь и сейчас еще прижималась к его плечу доверчиво. Особенно была благодарна ему, что он вчера ее не тронул. Ведь не объяснишь, что она такая всегда была старомодная и до сих пор еще девушка. И ей просто страшно было перейти эту черту. А он как-то сам понял, довел до края, но не перешел.

Но долго лежать рядом не пришлось.

Снаружи что-то прокричали, Тэмир ответил, а там уже кричали что-то еще.

Аля видела, как он напрягся, и нервно подкинулась.

– Ят, – сказал он и сжал ее за плечи. – Лежи.

И тут же резко поднялся встал, зацепил свое оружие и доспех и вышел, а она осталась одна в шатре.

Без него сразу стало пусто и дискомфортно.

Тэмир хоть и сказал, но как после этого было лежать? Она и глаз теперь сомкнуть бы не смогла. Аля встала и начала стелить постель. А снаружи снова послышался шум, и почти сразу вслед за этим в шатер влетела Цэцэг. Стала звать ее:

– Алия? Ай, Алия? Чи хаана байна?* (где ты?)

О! У Али глаза на лоб полезли и руки затряслись от страха. Кинулась скорей все поправлять, а девушка поставила миски с едой на стол и напрямик к ней за навеску. И, конечно же, все увидела. Сделала круглые лукавые глаза и давай приставать:

– Ээ? Э? Э?

Сейчас Аля готова была сквозь землю провалиться, а та все не унималась, заглядывала ей в лицо, хихикала и спрашивала:

– Э?

– Я не понимаю, – проговорила Аля отчаянно краснея.

Как раз потому что очень хорошо поняла. Но объяснять что-то, делиться впечатлениями? Нет уж, увольте. Хоть режьте, Аля ни слова бы не сказала. Но Цэцэг это не смущало, она наоборот, выглядела довольной и смеялась. А потом и вовсе вскинула вверх круглую ладошку и заявила:

– Бекле*! (постой)

Велела Але встать в сторонку и опять развила бурную деятельность. Во-первых, она отцепила край занавески и натянула веревку заново так, что теперь отгораживалась почти треть

шатра. И главное, из-за чего Аля снова покраснела как рак, девушка деловито перетащила все, что оставалось от постели Тэмира, и соорудила из всего этого одну общую постель.

Так, конечно, будет удобнее и мягче спать. Но теперь же каждый, кто войдет в шатер, будет знать, что они спят вместе... Аля закрыла лицо рукой и отвернулась. Потом подумала, ведь тут все видели, как ее привели к Тэмиру в шатер, и наверняка были уверены, в том, что он спит с ней с самого начала. Так чего ей теперь строить из себя?

Это новая реальность. Хотела изменить жизнь?

«Сделал – не сожалею».

Ох и угораздило же ее связаться... Аля задрала рукав и произвольным жестом потерла тату. Цэцэг как раз в тот момент повернулась, увидела голову дракона на ее запястье и замерла, открыв рот. А после приблизилась и сказала:

– Мин узне*? (я посмотрю?) Уу*? (можно?)

– Что?

Она показала на руку и повторила:

– Мин узне.

– Ах это... да, конечно, – Аля подняла рукав выше и вытянула руку.

Цэцэг смотрела на ее тату так, будто это какой-то артефакт. Потом быстро протараторила что-то, и убежала. Аля из ее слов поняла только «ждать» и «быстро», но это неточно. Озадаченно замерла, а потом выбралась из-за занавески и хотела начать наводить порядок. Только поправила плетеный столик и куски войлока вокруг него, как снаружи снова раздались женские голоса, и в шатер вошли.

На этот раз двое. Цэцэг привела какую-то старуху в халате и странном головном уборе. Темное морщинистое лицо, узенькие щелки глаз, заскорузлые руки. Но девушка обращалась с этой старухой очень уважительно, и Аля на всякий случай тоже поклонилась и сказала:

– Здравьсте. Проходите, пожалуйста, – и показала на место у плетеного столика.

Вежливость еще никогда и никому не вредила.

Старуха кивнула, молча прошла и села на войлок. А Цэцэг сделала Але знак, чтобы тоже садилась, и уселась рядом сама. Теперь они втроем сидели, подобрав под себя ноги. Повисло густое, тяжелое молчание, и в этом молчании старуха разглядывала ее одним прищуренным глазом. Аля чувствовала себя как букашка под микроскопом, а главное, совершенно не понимала, что происходит.

Наконец старуха шумно выдохнула и перевела взгляд с Алиного лица на левую руку. А Цэцэг незаметно толкнула ее в бок, мол, покажи. Ну... Показала. Бабка уставилась на ее тату, смотрела пристально, потом что-то бросила Цэцэг, и та мгновенно умчалась. Аля невольно проводила ее взглядом, и вдруг замерла.

Старуха смотрела прямо ей в глаза.

Стало не по себе. Але было неуютно под ее взглядом, старуха как будто смотрела ей в душу. Неизвестно, сколько времени прошло, казалось что очень долго, на самом деле, наверное, не больше нескольких минут. Но вот в шатер вернулась Цэцэг. В руках у девушки была какая-то погнутая металлическая миска, а в миске что-то завернутое в тряпицу. Все это выглядело ужасно средневеково и отдавало шаманством.

Аля удивленно уставилась на эти вещи, и тут до нее дошло, что старуха, видимо, и есть местная шаманка. Или ведьма? Но зачем все это? Она не могла понять, а Цэцэг с серьезным лицом села рядом. Мол, молчи и жди. Ладно, подумала Аля, все равно, хуже, чем с татуировкой все равно не будет.

А бабка развернула тряпицу, в ней оказалась маленькая горелка, плошка и кусок темного воска. Кусок какого-то жира быстро загорелся, плошку старуха поставила на огонь и стала топить в ней воск, а в миску налила воду. Аля уже догадалась, что это будет.

Гадание на воске.

Ей приходилось о таком слышать когда-то в прошлой жизни. Вроде ерунда и шарлатанство, но было жутковато! Вокруг словно за клубилось сверхъестественное. Она невольно вздрогнула, а старуха вскинула на нее взгляд, и Аля вдруг услышала в своей голове скрипучий голос:

«Охин-луу* (девушка-дракон), смотри».

Мороз по коже! Аля шелохнуться не могла, у нее все мелкие волоски на теле встали дыбом. А та начала, глядя ей в глаза, стала выливать в воду растопленный воск. Выливала трижды. И каждый раз доставала это из воды заскорузлыми пальцами. Три слепка вышло. Один был похож на длинную извивающуюся змею, другой на странную высокую шапку, а третий – такой непонятный значок раздвоенный.

Потом миску убрали и горелку тоже. Теперь на столе остались только вытащенные из воды кусочки воска. Старуха смотрела ей прямо в глаза. Рот ее был закрыт и губы не шевелились, но Але казалось, что она слышит, как надтреснутый голос произносит слова:

«Смотри, охин-луу».

Коснулась восковой змеи.

«Извилистой будет твоя судьба».

Потом дотронулась до слепка, похожего на странную высокую шапку.

«Быть тебе женой хана».

И третьего коснулась.

«Два раза замуж...»

Она не успела.

Полог шатра резко отдернулся.

Примечание:

* – тумен (тьма) – наиболее крупная войсковая единица, численность которой могла составляла обычно десять тысяч всадников.

глава 10

Его с утра разбудили парни. Есу орал:

– Вставай! Тебя уже чуть свет искал ханский нукер.

– Если так пойдет, скоро без тебя ни один совет не будет собираться! – поддакнул ему Гырдо.

Тэмир знал, что должен, но не хотел вставать. Они впервые проснулись вместе, Алия смотрела на него. В глазах отголоски огня вчерашней ночи. Дуртай сайхан.

– Эй! Если не хочешь, чтобы ханский нукер начал ломиться к тебе, вставай.

Есу. Он дежурил вторую часть ночи. Парни здорово прикрыли его. Никто не заикнулся, что он уже несколько дней не выходит дежурить по ночам.

– Сейчас! – крикнул Тэмир и наконец встал.

Быстро собрался и вышел.

Вышел, а снаружи уже все четверо. Уставились на него, улыбки до ушей. Не хватало еще, чтобы стали спрашивать: «Ну как?». Видимо, по лицу его поняли, что он не расположен рассказывать. Почесали затылки, разошлись. Дава на дежурство встал, а Гырдо сказал:

– Я пришлю сестру.

– Спасибо, – кивнул Тэмир.

И сразу направился в ставку. Мало ли зачем его могли искать.

Несмотря на раннее утро и то, что до него в очереди было всего двое, опять пришлось выстаивать снаружи. Пока ждал, видел Дер-Чи, тот проходил мимо, взглянул на него лютым волком и двинулся дальше в шатер к хану. Тэмир подавил неприятное чувство, но с этого момента ему было беспокойно. Все думал об Алие, как она там.

Наконец подошла его очередь. Мелкий чиновник окинул его презрительным взглядом и начал:

– Почему не носишь подарок хана?

Да, Тэмир по привычке облачился в свой доспех, так он себя лучше чувствовал. А ханский халат как будто давил на плечи. Но говорить надо было осторожно.

– Подарок хана слишком ценен. Берегу, чтобы не изнашивался.

Тот прошипел себе под нос:

– Голодранец.

И потом еще долго и нудно распространялся о милостях хана. В конце концов сказал, чтобы он явился сегодня на совет. Тэмиру это надоело, он и так торопился вернуться, потому что подспудно ощущал усиливавшееся беспокойство за девушку. Смерил чиновника тяжелым взглядом, тот заткнулся и молча выписал ему пропуск.

Обратно шел быстро, вроде нет причины, а у него сердце было беспокойно.

Что могло случиться?!

Вошел в шатер – там Цэцэг и бабка Давы, старая знахарка, которую они меж собой называли ведьмой. Сидят с Алией, а у той глаза испуганные, огромные. Бледная! И какие-то фигурки восковые на столе. Он сразу все понял! Гадали.

Кто просил? Зачем?! Однако это была бабка Давы, пожилая женщина, не раз помогала всем. Тэмир поздоровался и спросил уважительно:

– Что ты сказала ей, Шертэ?

А старуха удивленно заморгала и проговорила:

– Ничего не успела сказать, веришь? Только хотела начать, ты пришел.

– А почему на ней лица нет?

– Я не знаю, – старая женщина развела руками. – Может, она сама видит что-то? Твоя девушка – тусгай* (особенная), не такая как все. – Смяла в руке восковые слепки и поднялась с места: – Бок-то твой прошел? Больше не болит?

Тэмир опомнился.

– Не болит. Спасибо тебе, Шертэ-ханым* (госпожа).

– Э-э! Я не ханым, мальчик мой, – засмеялась бабка Давы.

– Значит, будешь ею.

– Ох-хо! Это что же мне теперь, на старости лет за господина замуж выйти? – развеселилась бабка, толкнула в бок Цэцэг, и они обе вышли.

А Тэмир, едва за ними опустил полог, сразу же подошел к Алие.

Он же видел, что девушка напугана. Что-то такое сказала ей старая Шертэ. Но что? Бабка Давы не захотела ему говорить. Тэмир смотрел на девушку и пытался понять, что могло так напугать ее. Пунцовые губы дрожат, руки холодные, он взял ее руки в свои и стал греть.

Хотелось сказать:

«Девочка моя, я не дам никому причинить тебе вред. Скажи мне, что испугало тебя. Я смогу защитить».

Но она только мелко дрожала и нервно сглатывала.

Ее надо было отвлечь.

Алю колотила нервная дрожь. Умом она понимала, что Тэмир смотрит ей в глаза и тревожится. А она говорить не могла, пошевелиться. То, что показала ей старуха шаманка, – это как по голове обухом! Она теперь была сама не своя, сознание плыло куда-то.

«Быть тебе женой хана».

Да никогда! Хотелось кричать: «Забери меня отсюда, давай убежим! Куда-нибудь! Неважно куда, к чертовой матери!» Но она же понимала, что они не смогут уйти, им не дадут. А чтобы Тэмира убили из-за нее – никогда. Хватит, видела уже однажды. Нет, твердила она про себя, сжимая кулаки. А в глубине душа все еще трепыхалось и накатывалось:

«Извилистой будет твоя судьба».

«Два раза замуж...»

Он шумно выдохнул, проговорил что-то сквозь зубы, а потом притянул ее к себе и стал целовать. И наваждение пропало само собой. Как будто он переключил в ней что-то, замкнул на себя.

И это было правильно.

Ее еще немного потряхивало, но то были просто остаточные отголоски. Даже стало немного стыдно, что его напугала. В конце концов, чего это она? Глупость какая. Ну, пришла какая-то бабка, ну, воск лила. И что с того?

Тэмир видел, что девушка успокоилась. А он сам успокоиться не мог. Так и сяк прикидывал, что могло произойти, что взволновало ее так сильно. После такого он просто не знал, как оставить ее одну в шатре.

Но не брать же ее с собой на совет?

Немыслимо.

У него снова мелькнуло тягучее желание уйти с ней в степь. Затеряться. Но после того как Дер-Чи повадился «проверять посты», там тоже было небезопасно.

Алия уже щебетала и показывала ему, как она поменяла все у него в шатре. Ему нравилось. Безумно. Сразу пришли мысли о ночи и о том, что они снова будут спать вместе.

Снаружи раздались голоса, его окликнули парни.

Пора было идти на совет.

Ему уже надоело это.

Хан хочет видеть своего «умного десятника»? Дразнить Дер-Чи, а его выставлять на посмешище? Но ради Алии, ради того, чтобы иметь возможность защитить ее, он должен был терпеть. Терпеть и подниматься, пока не станет реальной силой. И тогда посмотрим, что сможет против него старый шакал Угэ.

Но сейчас действительно надо было уходить.

– Коркма, – сказал он, обнимая девушку.

Вытащил нож из голенища и отдал ей. А после быстро натянул на себя ханский халат, малахай и бляху десятника и вышел из шатра.

Старый Угэ был доволен.

Его старший сын забыл свою вечную песню о том, что ему нужен ярлык на самостоятельное княжение, и плотно занялся войском. Сам следил, как проходит подготовка и тренировался вместе с воинами. Это было хорошо, похвально. Войско как зверь, видит, что хозяин рядом и привыкает к руке хозяина. Но!

Хотелось сказать:

«Не так быстро, сынок».

Хозяином войска пока что является он. Великий Угэ-хан. А хан позиций своих отдавать не собирался. Поэтому ему нужно было и подгонять горячего Дер-Чи, и сдерживать, чтобы слишком не разгорячился. Немного пригнуть его крепкую шею, напомнить, кто здесь главный.

Для этого старому хану нужен был тот мальчишка, сумевший из-под носа у Дер-Чи взять трофей. Змееныш, которого он хотел уничтожить руками Дер-Чи. И был хороший повод – девушка. Хан сразу понял, что она ценный товар, но только теперь оценил по достоинству.

Девушка – тот кусок мяса, которым он мог сколько угодно дразнить сына. Потому что Угэ был стар и для него уже многое утратило вкус. Женская прелесть больше не будоражила кровь, хан мог приказать кому угодно, только не своему телу. А Дер-Чи – молодой, горячий, красивый, его наложницы стонут под ним каждую ночь. Это раздражало, вызывало досаду.

К тому же у хана были и другие сыновья. О них следовало помнить тоже. Одаривая своим вниманием то одного, то другого, Угэ бдительно следил, чтобы они за его спиной не стоварились. Угэ хотел спокойную старость.

Увидев нагайку на пологе шатра, Дер-Чи едва сдержался, чтобы не ворваться и не перерезать шакалу горло прямо на девке. Залить его кровью все, потроха разметать собакам, а девку схватить за светлые волосы и проволоочь через все становище в свой шатер. И драть ее там без перерыва.

Остановило только одно.

Тэмир мог ее уже обрюхатить. Ханский сын скрипел зубами от досады, думая об этом. Сейчас, если он посеет в ней свое семя и оно приживется, он никогда не сможет быть уверен, что это его сын, а не того змееныша. Надо было выждать месяц, посмотреть, придут ли женские крови. Убедиться, что она не носит в себе проклятое семя. Потому что если носит, девку надо вычистить.

И только потом Дер-Чи мог коснуться ее. Но чем недоступнее становилась добыча, тем сильнее был мужской голод. Он имел по несколько наложниц каждую ночь, но они не насыщали его зверя, а только раздражали еще больше.

Сейчас, на совете, он снова вынужден был терпеть присутствие «умного десятника». Хану доставляло удовольствие ковыряться в ране его гордости? Ничего, Дер-Чи знал, что

недолго Угэ осталось над ним измываться. Что же до рабыни со светлыми волосами, то он думал о ней неотступно. И сопоставлял.

Редкая рабыня, дорогая! Светлые волосы, как золотой ковыль, белая кожа, губы красные, словно она смазала их кровью ягненка. Была ли она девственницей? Нет, вряд ли. Будь она девственницей, хан бы не выставил ее на кон.

А если так, он все равно не первый. Но месяц – это было долго, Дер-Чи не собирался столько ждать. Он рассчитывал получить светловолосую рабыню гораздо раньше. А когда она будет в его шатре, он найдет ей применение. Учить ее покорности тоже не менее приятно.

Мужчина подавил хищный хрип, вырвавшийся у него непроизвольно. А после взял слово и говорил. Говорил четко, так, что у братьев загорелись глаза, даже старый Забу-Дэ заслушался и кивал в такт его словам.

А ночью он снова отправился к трем менгирам. Дер-Чи был уверен, что даулет будет ждать его там. Меркул жаден до добычи, примет его условия и согласится.

Но перед тем как выехать в степь, старший ханский сын специально проехался в тот конец становища, ближе к табунам. Мимо шатра, в котором скрывали от него желанную добычу. Его как арканом тянуло к ней. Увидел и замер. Кровь ударила в голову, стоило представить ее белую кожу, светящуюся в темноте, и руки гаденыша на ней. Он сильнее хлестнул коня и, не разбирая дороги, умчался в степь.

На пологе опять висела нагайка.

Как только Тэмир собрался и ушел, Аля в смятении стала озираться кругом. Каждый раз, когда его вызывали вот так или кто-то вламывался к ним, у нее уходило полжизни от тревоги за него. Пока он был рядом, ей ничего не было страшно, но одной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.